

Univerzita Karlova

Filozofická fakulta

Ústav východoevropských studií

Bakalářská práce

Kateryna Platonova

**Элементы украинского фольклора в цикле повестей
«Вечера на хуторе близ Диканьки» Николая Васильевича
Гоголя**

Prvky ukrajinského folkloru v povídkovém cyklu Večery na samotě u
Dikaňky

Nikolaje V. Gogola

Elements of folklor in a collection of short stories Evenings on a
Farm near Dikanka by Nikolai V. Gogol

Praha 2024

Vedoucí práce: PhDr. Mgr. Jaroslav Otčenášek, Ph.D.

Poděkování:

Chtěla bych poděkovat svému vedoucímu PhDr. Mgr. Jaroslavu Otčenáškoví, Ph.D. za odborné vedení bakalářské práce, za jeho podporu, čas, nekonečnou trpělivost a poskytování cenných rad a připomínek.

Prohlášení:

Prohlašuji, že jsem tuto bakalářskou práci vypracovala samostatně a výhradně s použitím citovaných pramenů, literatury a dalších odborných zdrojů.

V Praze dne

Kateryna Platonova

Ключевые слова:

украинский фольклор, Николай Васильевич Гоголь, повесть, русская литература

Klíčová slova:

ukrajinský folklor, Nikolaj V. Gogol, povídka, ruská literatura

Key words:

Ukrainian folklore, Nikolai V. Gogol, story, Russian literature

Аннотация:

Данная бакалаврская работа исследует элементы украинского фольклора в цикле повестей русского и украинского писателя Николая Васильевича Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки». Основное внимание мы уделяем народной культуре украинской сельской среды, где происходят события восьми повестей. В теоретической части мы рассматриваем происхождение и личность автора, характеризуем его место в истории русской и украинской литературы, его отношение к Украине, влияние этого факта на произведение с учетом рассматриваемой темы. Мы также ближе определяем соответствующие термины фольклора, его виды и жанры, представленные в анализируемом цикле рассказов. В практической части мы оценим использованные фольклорные элементы и с помощью сравнительного анализа определим их связь с традиционной украинской народной культурой. Целью этой работы является вклад в понимание влияния не русской традиционной культуры на выбранное классическое произведение русской литературы.

Anotace:

Tato bakalářská práce pojednává o prvcích ukrajinského folkloru v povídkovém cyklu ruského a ukrajinského spisovatele Nikolaje Vasiljeviče Gogola „Večery na samotě u Dikaňky“. Zaměříme se na lidovou kulturu ukrajinského vesnického prostředí, v němž se odehrává děj osmi povídek. V teoretické části se věnujeme původu a osobnosti autora, charakterizujeme jeho místo v rámci dějin ruské a ukrajinské literatury, jeho vztah k Ukrajině, vliv tohoto faktu na dílo s ohledem k řešenému tématu. Blíže si též vymezujeme příslušné termíny folkloru a jeho druhy a žánry představené v analyzovaném povídkovém cyklu. V praktické části pak vyhodnotíme užité folklorní prvky a prostřednictvím komparativní analýzy určíme jejich vztah k tradiční ukrajinské lidové kultuře. Cílem této práce je přispět k pochopení vlivu ne-ruské tradiční kultury na vybrané klasické dílo ruské literatury.

Abstract:

This bachelor's thesis explores elements of Ukrainian folklore in the cycle of stories by the Russian and Ukrainian writer Nikolai Vasilievich Gogol, titled Evenings on a Farm near Dikanka. The primary focus is on the folk culture of the Ukrainian rural environment where the events of eight stories take place. In the theoretical part, the origins and personality of the author are examined, along with his place in the history of Russian and Ukrainian literature, his relationship with Ukraine, and the influence of these factors on the work in consideration of the discussed theme. Relevant terms of folklore, its types, and genres presented in the analyzed cycle of stories are also closely defined. In the practical part, folklore elements are evaluated, and their connection to traditional Ukrainian folk culture is determined through a comparative analysis. The aim of this work is to contribute to the understanding of the impact of non-Russian traditional culture on a selected classic work of Russian literature.

Содержание

Введение.....	8
1. Обзор жизни и литературного творчества Николая Васильевича Гоголя.....	9
2. «Вечера на хуторе близ Диканьки»: характеристика произведения и его значение в контексте времени.....	14
2.1. История возникновения.....	14
2.2. Восприятие критикой.....	16
2.3. Характеристика произведения.....	18
3. Фольклорные мотивы в произведении: описание, функции, анализ их отношения с настоящим фольклором	21
3.1. Определение термина фольклор и его отдельных жанров, используемых в «Вечерах»	21
3.2. Народные пословицы и преданья	26
3.3. Народные обычаи и обряды	29
3.4. Народные песни.....	32
3.5. Персонажи.....	34
Заключение	41
Список использованных источников	42

Введение

Николай Васильевич Гоголь, выдающийся представитель русской и украинской литературы, оказавший заметное воздействие на культурные течения в России и Украине, обрел своеобразную художественную индивидуальность, отражавшуюся в творчестве как в российском, так и в украинском контексте. Проходя свой творческий путь в различных географических областях, включая Малороссию, Гоголь, помимо создания литературных шедевров, находил неисчерпаемую вдохновляющую силу в обширном и многогранном культурном наследии украинского этноса.

На протяжении своей жизни Гоголь проникал в глубины украинской культуры, стремясь осмыслить и передать ее уникальные черты в своих литературных произведениях. Его отношение к родному этнокультурному наследию приобретало особое значение, формируя ключевую основу для литературного вклада Гоголя в украинскую и русскую литературу.

Интегрируя элементы украинского фольклора в свое творчество, Гоголь осуществлял попытку сохранить исторические и культурные традиции Украины (при жизни – Малороссии). Проиллюстрированные им народные обычаи, легенды и поверья, воссозданные в произведениях, становились неотъемлемой частью уникального культурного контекста украинской ментальности.

Исследование жизни и творчества Гоголя, с особым вниманием к его связи с Малороссией, становится неотъемлемой частью аналитического подхода, направленного на понимание историко-культурного влияния писателя на формирование не русской традиционной культуры на выбранное классическое произведение русской литературы.

1. Обзор жизни и литературного творчества Николая Васильевича Гоголя

Николай Васильевич Гоголь походил из семьи украинской шляхты. Он родился в селе Великие Сорочинцы Полтавской губернии. В детстве Гоголь часто бывал в усадьбе своего деда по материнской линии, Григория Квитки-Основьяненко, известного украинского писателя, драматурга и журналиста, в селе Васильевцы, расположенном недалеко от Миргорода. Отец писателя превратил его в центр общестности всего околотка. Биограф Гоголя, Пантелеймон Кулиш, утверждал, что гостеприимство, интеллигентность и выдающееся чувство юмора хозяина привлекали сюда как близких, так и дальних соседей. Именно здесь проходили настоящие «вечера на хуторе», которые Николай Васильевич расположил вблизи Диканьки. Здесь он встречал неистощимых шутников, оригиналов и сельских модников, которых позже изобразил, несколько утрируя, в своих непревзойденных предисловиях к повестям Рудого Панька. Несмотря на его относительно короткое пребывание там, усадьба Васильевцы оказала влияние на его восприятие украинской культуры. *«Вообще в первых своих произведениях Гоголь нарисовал многое, что окружало его в детстве, почти в том виде, как оно представлялось глазам его.»* (Кулиш: Период первый I).

Более того, он родился в семье, отдалённой от эпохи казацких войн всего на одно или два поколения. По словам Кулиша от своего деда по отцовской линии Гоголь мог слышать свежие, полные живого интереса устные предания, которые впоследствии были зафиксированы в летописях. Это особенно заметно в повести «Пропавшая грамота», рассказанной от лица балагура-дьячка. Лёгкие черты старинной Малороссии переданы с таким чувством, что создается впечатление, будто автор проник в душу своего прадеда и видел происходящее глазами своего предка, Остапа Гоголя (Кулиш: Период первый I). Очевидно, что его детское воображение было впечатлено не только конкретными событиями прошлого, но и их общим характером. Это чувство пронизывает каждое его произведение, отражая свет той далекой эпохи, каким он видел его в своем детском воображении.

Отец Гоголя, Василий Гоголь-Яновский, также внес свой вклад в литературную область, создавая комедии, посвящённые сельской жизни. Литературовед, Юрий Манн, писал, что современники описывали Василия Афанасьевича как интересного человека, обладавшего разнообразными талантами. Он сочинял стихи, был выдающимся рассказчиком и увлекался садоводством (Манн 2012: 21).

О том, чем занималась мать, Анна Васильевна Гоголь-Хохлова, точной информации нет, так как подробности её повседневной жизни остаются в значительной степени неизвестными или малоизвестными. В исторических источниках часто нет подробных данных о жизни и обстоятельствах женщин из семей малороссийской шляхты в тот период. Известно, что она была дочерью священника - женщина набожная, но со сложным взрывным характером. Основной известной ролью Анны Васильевны было, конечно, материнство, и её влияние на Гоголя, в том числе в формировании его отношения к украинской культуре. В дальнейшем он будет поддерживать с ней переписку. Наиболее примечательным в переписке молодого Гоголя с матерью является его нравственная зависимость от нее. *«Для Гоголя мать, в начале жизни, была все: поверенная сокровеннейших движений души его,*

утешительница и наставница, слушательница и, вероятно, критик первых его опытов в стихах и в прозе, помощница во всех его предприятиях, и, наконец, опора его душевной чистоты» (Кулиш: Период второй IV). Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что в раннем детстве Гоголь был погружен в область литературы и театра, что предрекало формирование его будущего творческого пути.

После окончания гимназии в Нежине, где *«... мы находим его не только писателем и журналистом, но и отличным актером»* (Кулиш: Период первый I) и где, к слову, Николай Васильевич не был блистательным студентом, он отправился в Петербург в 1828 году, полон убеждений и надежд. Следует подчеркнуть, что имея за собой первые литературные попытки, обнаруживающие к чему был признан в жизни юноша, Гоголь до конца своих дней сомневался точно ли это его поприще, что мы узнаём из его безыменной записке от первого лица, где он пишет, что в те годы, когда он начал задумываться о своем будущем, мысль о писательской деятельности никогда не приходила ему в голову, хотя он всегда считал, что станет известным человеком, что его ждет широкий круг деятельности и что он совершит что-то значимое для общественного блага. Он предполагал, что достигнет этого через государственную службу. Именно поэтому в юности у него была очень сильная страсть к служению: она неизменно занимала центральное место в его мыслях, опережая все другие дела и занятия (Кулиш: Период первый II).

С переездом Гоголя с юга на север начался новый период его жизни, о котором он так мечтал. В уездном городе царской империи он пережил разочарование романтика: людям, с которыми он впервые столкнулся в столице, не было никакого дела до его высоких стремлений. Его, без сомнения, везде встретили с той холодностью, которая так неприятно поражает каждого новичка из провинции и представляет собой не что иное, как приобретенную опытом осторожность столичных жителей в выборе сотрудников, будь то в служебной, литературной или любой другой сфере деятельности (Кулиш: Период второй IV). Несоответствие его идеальных представлений о жизни и человеке суровой действительности николаевской России оставили на нём свой отпечаток до конца дней.

В Петербурге Гоголь боялся гласности и прокладывал себе дорогу к литературным успехам тайком даже от ближайших друзей. Он написал стихотворение «Италия» и отправил его инкогнито к издателю «Сына Отечества», возможно, чтобы проверить, будут ли его стихи удостоены публикации. Стихотворение было напечатано (Кулиш: Период второй IV). Примечательна дата цензурного разрешения книги, в которой размещена «Италия», — 22 февраля 1829 года. *«Это значит, что уже буквально через несколько дней или недель после приезда в столицу Гоголь отослал или занес в редакцию свою рукопись, сделав таким образом первый шаг на литературном поприще.»* (Манн 2012: 196).

Между тем у писателя имелась в арсенале поэма под названием «Ганц Кюхельгартен», которую, как указано в заглавии, он написал в 1827 году. Имея недостаточное доверие к своему таланту и боясь возможной критики, Гоголь решил скрыть это раннее произведение под псевдонимом В. Алова. Он напечатал её за свой счет, вместе со стихотворением «Италия», и распространил экземпляры среди

книготорговцев по системе комиссии. Его знакомые, в частности Пётр Александрович Плетнёв (1792–1866), Михаил Петрович Погодин (1800–1875), Николай Алексеевич Полевой (1796–1846) получили анонимно по экземпляру его поэмы. Автор затаился за псевдонимом и ждал реакции. Знакомые молчали или отзывались о произведении равнодушно, а Полевой и вовсе написал негативную реакцию в своём журнале: *«Издатель сей книжки говорит, что сочинение г-на Алова не было предназначено для печати, но что важные для одного автора причины побудили его переменить свое намерение. Мы думаем, что еще важнейшие причины имел он не издавать своей Идиллии»* (Кулиш: Период второй IV). После такой реакции Гоголь бросился со своим слугой Якимом по книжным лавкам, отобрал у книжных продавцов экземпляры, снял номер в гостинице и сжёг все до единого.

К неудачам в литературной и театральной деятельности добавилось еще одно тяжкое испытание, которое оказалось особенно тяжелым бременем для молодого сердца. Гоголь влюбился в недоступную ему из-за своего социального положения даму или девушку. С его врожденной скрытностью и склонностью к мрачному унынию он мог бы поддасться тяжелым эмоциональным потрясениям, но его спасительной идеей стало решение отправиться за границу. Путешествие продлилось двенадцать дней, после чего он вернулся в Петербург.

Это было самое трудное время для писателя. После неудачной попытки стать на тропу актёрской деятельности он поступил на государственную службу в качестве мелкого чиновника. По словам Манна состоявшийся выбор государственной службы и юстиции не мешал молодому человеку посвящать себя литературным занятиям, рисованию и театру. Его художественные вкусы и наклонности формировались под влиянием различных сил: одни действовали на поверхности, другие проявлялись исподволь и скрытно (Манн 2012: 108). Короткой и безуспешной была и его карьера в Петербургском университете, где он читал лекции по истории Украины. *«В Департаменте уделов Гоголь был плохим чиновником и, по собственным словам, извлек из службы в этом учреждении только разве ту пользу, что научился шивать бумагу. Об этом он упоминал не раз, показывая шитые в тетради письма Пушкина, Жуковского и других, которыми он дорожил (и не выпуская этих тетрадей из рук, в буквальном смысле слова). Но и в качестве преподавателя он не отличался большими достоинствами.»* (Кулиш: Период второй IV).

Важную роль в его жизни и творчестве сыграла дружба с поэтом Василием Андреевичем Жуковским (1783–1852) и особенно встречи с Александром Сергеевичем Пушкиным (1799–1837), который принял его в свой кружок «Арзамас», стал рецензентом его первых произведений и вдохновителем его зрелого творчества. Традиционное представление о дружбе Гоголя с Пушкиным неоднократно подвергалось сомнению. Хотя это, возможно, и не была дружба в обычном понимании слова, в смысле полного равенства, несомненно, что Гоголь нашел в Пушкине старшего товарища, литературного наставника, проницательного критика и, одновременно, образец "взыскательного художника" — литературного деятеля, проникнутого осознанием своей исторической ответственности. (Гиппиус 1940: 25).

Мало-помалу литературные занятия начали его отвлекать от преподавания. В течение 1830 и 1831гг. в периодической печати появились несколько анонимных статей, представляющих собой своеобразные опыты пера. Некоторые из этих статей опубликованы без указания авторства, в то время как другие были подписаны различными псевдонимами. Среди них и первые повести в последствии, вошедшие в его знаменитые сборники. Литературный путь Гоголя постепенно проясняется для него самого. *«Если он и переходит от замысла к замыслу – от комических бытовых повествований «Сорочинской ярмарки» и «Страшного кабана» к сказочной фантастике «Вечера накануне Ивана Купала» и к исторической тематике «Гетьмана» - все эти замыслы объединены вниманием к родной Украине, её прошлому и настоящему, её быту и фольклору.»* (Гиппиус 1940: 24).

Успех у читателей и признание критиков ему принесли два сборника повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки» 1831, 1832гг., и вслед за ними – «Миргород» в 1835г. и «Арабески» в 1835г., высоко оценённые критикой: *«Za jejich realismus a kritické zaměření literární kritik Běliniskij vyzvedl mladého autora do čela ruské literatury.»* (Jehlička 1993: 107). После инсценировки «Ревизора» в Александрийском театре в Петербурге в 1836г. Николай Васильевич, разочарованный приятием публики его пьесы (они восприняли это как комедию и смеялись, а ведь это трагедия!), уехал за границу и до конца жизни проживал за пределами России, по большей части в Риме, где написал своё самое большое произведение «Мёртвые души», вышедшее в 1842г. Он также посетил Прагу, лечился в Марианске-Лазне и в Есенике. В сороковых годах Гоголь сблизился со славянофилами, которые провозглашали возврат к старым традициям средневековой перед-петровской России и защищали особые пути её развития, принципиально противоположные буржуазному развитию европейского запада.

Гоголь начал поддаваться религиозным и мистическим настроениям. Противоречие между художником критическим реалистом и художником христианским моралистом, приписывавшим искусству силу морально возродить человека и общество позже вылилось в трагический кризис, перед которым он, в последствии, сдался. Консервативные взгляды, которые он выразил в своём труде «Избранные места из переписки с друзьями» 1847г. вызвали в интеллигентных кругах резкую суровую реакцию. Белинский в своём «Письме Гоголю» осудил его книгу за хвалёбу царя и крепостничества, но снова высоко оценил Гоголя как реалистического писателя, автора «Ревизора», «Мёртвых душ» и «Шинели».

Финальным актом творчества Николая Васильевича Гоголя стало его последнее произведение - вторая часть «Мертвых душ». В этом литературном труде писатель предпринял попытку представить образ идеализированной России, создав положительные образы помещиков и чиновников. Однако, находясь в приступе бешенства, Гоголь принял решение сжечь свое произведение.

Второй том «Мёртвых душ», хотя и не доведенный до завершения, отличается от первого тома, где Чичиков путешествует по России, покупая «мертвые души» (крепостных, умерших или уехавших крестьян, еще не вычеркнутых из переписных книг), в стремлении создать новую жизнь. Во втором томе Гоголь фокусируется на

изображении помещиков и чиновников, пытаюсь воспроизвести положительные образы национального русского характера.

Следует подчеркнуть, что решение Гоголя уничтожить свою работу означает не только акт саморазрушения, но и парадоксальное отрицание писателем собственных творческих устремлений, выраженных в предыдущих работах. Этот эпизод стал темным завершением жизни и творчества Гоголя, подчеркивая его внутренние конфликты и стремление к самокритике в последние периоды его жизни.

Творческое наследие Николая Васильевича оказало большое влияние на дальнейшее развитие русской прозы и драматургии. Революционно-демократический критик Николай Гаврилович Чернышевский венчал его отцом критически-реалистического течения в русской прозе со современной социальной проблематикой. На Гоголя ссылались также все сатирики и юмористы в России и мире, традицию его искусства магической и фантастической подачи реальности продолжили русские символисты, к примеру Николай Зощенко в своих «Рассказах Назара Ильича, господина Синебрюхова» 1922г.

Гоголь повлиял и на формирование реалистической литературы и в Чехии, где был известен и высоко ценен благодаря переводу Карла Гавличка Боровского¹.

---

¹ GOGOL', Nikolaj Vasil'jevič Nos. Přeložil HAVLÍČEK BOROVSÝ, Karel a KONŮPEK, Jan. Nos. Praha: Arthur Novák, 1920.

GOGOL', Nikolaj Vasil'jevič Plášť. Přeložil HAVLÍČEK BOROVSÝ, Karel. Praha: Josef Hokr, 1930.

2. «Вечера на хуторе близ Диканьки»: характеристика произведения и его значение в контексте времени

2.1. История возникновения

Посредством «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Гоголь внёс в русскую литературу поэзию украинского народа. Настоящая среда украинского села, народные традиции и обычаи, знакомые из детства переплетаются в них с фантастикой народных сказок и суеверий. Обращение к народному творчеству помогло писателю совершить первый шаг к реалистическому изображению действительности. Однако положительные аспекты этого обращения не ограничивались лишь приобретением новых художественных методов. Возможность погружения в мир, знакомый с детства, также способствовала формированию собственного оригинального художественного мышления Гоголя. *«Ибо гоголевские повести, - конечно же, отнюдь не простое переложение народных сказок.»* (Виноградов 2000: 8).

Замысел отдельных повестей, вошедших в цикл, вероятно, можно отнести к первым месяцам пребывания Николая Васильевича в Петербурге, то есть к началу 1829г. Осмотревшись в столице и установив связи с земляками, проживающими здесь, Гоголь обнаружил живой интерес к фольклорным и этнографическим материалам не только в литературных кругах, но и в более широких общественных кругах, особенно украинским. *«Естественно, что именно в это время Гоголь, уже значительно охладевший к ранним стихотворным опытам, мог задаться мыслью использовать в литературной работе свое знание быта, сказаний и песен родной Украины.»* (Гиппиус 1940: 500). Между тем автор понимал, что его осведомлённость в народном творчестве родины носила весьма общий характер. Для сбора на месте нужных материалов Гоголь *«... в апреле и мае 1829г. Гоголь в письме к матери просит присылать ему материалы об обычаях, поверьях, преданиях украинцев. Он выписывает из дому и «папенькины малороссийские комедии» ...»* (Гиппиус 1940: 24). Здесь привожу отрывок из письма сына к матери: *«Время свое (писал он) я так расположил, что и самое отдохновение, если не теперь, то вскорости, принесет мне существенную пользу. Между прочим, я прошу вас, почтеннейшая маминька, узнать теперь о некоторых играх из карточных: у Панхвиля как играть и в чем состоит он? равным образом что за игра Пашок, семь листов? из хороводных в хрещика, в журавля. Если знаете другие какие, то не премините. У нас есть поверья в некоторых наших хуторах, разные повести, рассказываемые простолюдинами, в которых участвуют духи и нечистые. Сделайте милость удружите мне которую-нибудь из них»* (Кулиш: Период второй IV).

Материалы, предоставленные матерью, были широко использованы Гоголем при написании повестей, составивших «Вечера на хуторе близ Диканьки». Сам же интерес к Украине пробудился у Гоголя, несомненно, задолго до переезда в Петербург. Воспоминания нескольких друзей Гоголя свидетельствуют о том, что еще в период учебы в гимназии Гоголь с удовольствием общался с крестьянами, принимал участие в крестьянских свадьбах, а также был знаком с комедиями своего отца и участвовал в украинском народном кукольном театре (вертепе). Перед ним были хорошо известны также народные сказки еще с самого детства. Богатый запас украинских впечатлений, связанных с реальной жизнью и образами народной поэзии, а также интерес к

зарождающейся в те годы национальной украинской культуре, оказались плодотворными для Гоголя. Однако он выбрал другой путь, чем Иван Котляревский и Гулак-Артемовский: его вклад в историю состоит в развитии русской культуры. *«Украинский элемент был внесен им в русскую литературу с гораздо большей силой и блеском таланта, чем могли это сделать его предшественники.»* (Гиппиус 194: 25).

В течение 1830 и 1831 гг. в периодической печати появились несколько анонимных статей, представляющих собой своеобразные опыты пера. Некоторые из этих статей опубликованы без указания авторства, в то время как другие были подписаны различными псевдонимами. Среди них и первые повести, одной из которых была «Басаврюк или Вечер накануне Ивана Купала» в последствии вошедшая в его знаменитый сборник.

В первые годы литературной деятельности Николай Васильевич проявил необычайную работоспособность, и к маю 1831 года у него уже был завершен ряд повестей, формирующих первый том «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Не имея ясного представления, как поступить с этим литературным материалом, Гоголь обратился за советом к Плетнёву. Плетнев стремился защитить юношу от влияния литературных фракций, а также избавить повести от предвзятости тех, кто знал Гоголя лично или по его ранним работам и не оценивал его высоко. *«Поэтому он присоветовал Гоголю, на первый раз, строжайшее incognito и придумал для его повестей заглавие, которое бы возбудило в публике любопытство.»* (Кулиш: Период второй V). Таким образом в свет вышли «Повести, изданные пасичником Рудым Паньком», который якобы жил возле Диканьки. Книга была принята любителями литературы с восторгом, и менее, чем через год в печати появилась вторая часть «Вечеров». *«Пасичник Рудый Панько очевидно был ободрен первым приемом и разболтался в предисловиях ко второй книжке еще любезнее»* (Кулиш: Период второй V).

Николай Васильевич в своих письмах к матери еще ни слова не упоминал о своих повестях, а вместо этого послал ей один экземпляр ко дню ангела. Тут он вновь выражает свою убедительную просьбу матери и сестре собирать для него традиционные песни и сказки из Малороссии. Кроме того, он просит приобретать для него аутентичные старинные региональные костюмы и *«... составит полный современный костюм мужской и женский из лучших образцов»* (Кулиш: Период второй IV).

17 октября 1831 г. Гоголь выделил часть своего заработка на подарки для матери и старшей сестре, послав им на 90 рублей ассигнациями разнообразных петербургских товаров. Через пять месяцев, когда старшая сестра собиралась замуж, он отправил матери 500 рублей ассигнаций приготовления к свадьбе. Летом 1832 г. он посетил Васильевку, где провел три счастливых месяца с матерью и сестрами. Перед возвращением в Петербург он взял с собой двух младших сестер, чтобы обеспечить их образование в Патриотическом институте за государственный счет. По словам Кулиша Это был период наивысшего благополучия в жизни нашего поэта. «Вечера» были окончательно изданы и принесли блестящий успех; Гоголь уже пользовался уважением и поддержкой со стороны Пушкина и Жуковского; его материальные нужды в

Петербурге были удовлетворены; он испытывал радость от возможности помогать своей семье; после трех с половиной трудных лет на севере он вернулся в родной край, насытился атмосферой густых малороссийских садов, рассматривал поля и степи, наслаждаясь давно забытыми речами (Кулиш: Период второй IV).

2.2. Восприятие критикой

В 1831г. Гоголь начал издавать первую часть «Вечеров» под строжайшей анонимностью, но под гримом пасичника Рудого Панька по совету Плетнёва. Отзывы критики, в большинстве своём, были положительными, а читатели были без преувеличения в восторге.

Александр Сергеевич Пушкин, которому «... принадлежит первый из известных нам отзывов современников о «Вечерах» ...» (Гиппиус 1940: 504), такой же любитель экзотики, в частности малороссийской, лучше всех оценил значение сборника повестей: «Вот настоящая веселость, искренняя, непринужденная, без жеманства, без чопорности. А местами какая поэзия! какая чувствительность!» (Гиппиус 1940: 26), противопоставив произведение Гоголя классово-ограниченной литературе, направленной на «большой свет». Гиппиус писал, что Пушкин сразу увидел в первых четырех повестях Гоголя то, что делало его подлинно народным писателем: искреннюю веселость, поэзию и чувствительность, которые глубоко укоренились в веселости и поэзии народных сказок и песен (Гиппиус 1940: 26).

Пушкин задавал тон всей критике. После получения книги он писал Александру Фёдоровичу Воейкову: «Сейчас прочел Вечера близ Диканьки. Они изумили меня. ... А местами какая поэзия! Какая чувствительность! Всё это так необыкновенно в нашей нынешней литературе, что я доселе не образумился. ... Ради бога, возьмите его сторону, если журналисты, по своему обыкновению, нападут на неприличие его выражений, на дурной тон и проч.» (Гиппиус 1940: 504–505). Так как письмо стилистически отвечало журнальной статье, Воейков использовал его в печати, и в дальнейшем «Оно было воспроизведено в рецензии на «Вечера» Л. А Якубовича («Литературные прибавления к Русскому Инвалиду» 1831, №79 от 3 октября).» (Гиппиус 1940: 505). От себя рецензент добавил, что Рудый Панько, пасичник, рассказывает свои повести без вычурности, без хитрости и без стремления к научной эрудиции или славе. В его повествованиях лица не идеализированы, нет общих мест, которые могли бы быть пошлыми или банальными, происшествия не выдуманы и не сценаризированы искусственно, а веселость и остроумие искренни и не искусственны. Все это просто — и поэтому прекрасно — потому что первым условием прекрасного является именно простота (Гиппиус: 505).

Во второй раз отзыв Пушкина был напечатан в журнале «Le Miroir, journal de littérature et de théâtres» (1831, № 35 от 28 октября), а анонимный обозреватель (вероятно, Орест Михайлович Сомов) писал по поводу «Вечеров», что недавно вышел интересный сборник украинских повестей под необычным названием. Эти повести достаточно многочисленны и все они носят наивный и искренний национальный характер. Под псевдонимом пасичника Рудого Панька автор изображает обычаи, нравы и язык добрых жителей Украины. Эта народность представляет собой настоящий рудник для исследования и изучения! (Гиппиус 1940: 505).

Василий Аполлонович Ушаков высказал подобные с двумя предыдущими рецензентами суждения о юморе и лиризме Гоголя, но отмечает несовершенство языка. Он подчеркивает простоту рассказа и связывает «Вечера» с целым движением украинской литературы и её включением в общерусскую. По его убеждению небольшое литературное общество, долгое время функционировавшее в Малороссии в духе местного патриотизма, начинало свое существование с целью сохранения уникальности своего наречия и оригинальности быта региона, как можно судить по ранним произведениям. Однако в последние годы малороссийская литературная школа отошла от этой узко местной цели и обратила внимание на более глубокие идеи — сохранение характерного особенного наречия, а также основной целью стало полное раскрытие народной культуры во всем ее многообразии и глубине. *«Повести, изданные пасичником Рудым Паньком, представляют нам новый, изящный плод этого же умного и истинно народного усилия»* (Гиппиус 1940: 506).

После трёх вполне благоприятных рецензий в «Московском Телеграфе» 1831 г. № 17 в небольшой по объёму рецензии Полевой, уверенный, что под псевдонимом Рудого Панька скрывается Сомов, с которым он накануне имел полемику после своей статьи «Малороссия, её обитатели и история», выписывает несколько неудачных моментов из «Вечеров» и насмешливо их комментирует: *«... воля ваша, мы своим русским умом не понимаем этого высокопарения. ... желание подделаться под малоруссизм спутало до такой степени ваш язык и всё ваше изложение, что в иных местах и толку не доберёшься»* (Гиппиус 1940: 507). Вся рецензия была беспринципна, пристрасна и недостойна Полевого. *«Даже фольклоризм, о котором Полевой заговаривает как-то определённое других критиков («клад малороссийских преданий и присказок») нужен критику лишь затем, чтобы уколоть автора»* (Гиппиус 1940: 507). Задача Полевого, в отличие от других критиков состояла в раскрытии недостатков в книге молодого автора и попытке доказать, что этот автор *«... вовсе не малороссиянин, а «москаль, да еще и горожанин».*» (Кулиш: Период второй IV).

Тон, заданный Полевым, был подхвачен литератором-украинцем, который задался целью, провести специальную этнографическую экспертизу. Пантелеймон Кулиш описывает как в журнале «Сын Отечества и Северный архив» (1832, том XXV, № 1–4) была опубликована статья А.Я. Стороженко под псевдонимом Андрей Царинный с длинным названием: «Мысли малороссиянина по прочтении повестей пасичника Рудого Панька, изданных им в книжке под заглавием: Вечера на хуторе близ Диканьки, и рецензий на оные». Эта статья имела значительный объем, достигающий 70 страниц и распространялась на четыре книги, что свидетельствует о высоком интересе к «Вечерам на хуторе близ Диканьки» как в журналистике, так и в обществе того времени (Гиппиус 1940: 507). Однако Царинный, неожиданно для самого себя, нашёл в «Вечерах» немало достоинств, выделяя живописные картины и занимательно рассказанные народные поверья. Из отдельных оплошностей Гоголя он отмечает ошибочные интерпретации и детали в произведениях. Он выражает несогласие с неправильным пониманием выражения «поп в решетке», ложным утверждением о повседневных действиях понамарьков, ошибочным представлением о молодом Левко, играющем на бандуре, и использованием Гоголем песни «Сонце низенько», приписываемой зимнему вечеру, в сцене, описывающей тёплый летний вечер монолога Лувка. Царинный также отметил, что песня, исполняемая парубками под окном головы, представляет собой «смешение малороссийских наречий с русскими», что, по его мнению, приводит к литературному синкретизму. (Гиппиус 1940: 507). Такими недостатками и ограничилась этнографическая критика.

Далее развилась целая полемика вокруг увидевшего недавно свет произведения. Сомов, чья статья «Пересмешник. Письмо к издателю Литературных прибавлений о Вечерах на хуторе близ Диканьки, о критике на них г. Полевого и о прочем» ничего не прибавляла к оценке «Вечеров», а была просто обращена против отзыва Полевого. Статья вредила полевому и возвышала Гоголя. Такое же значение имела и рецензия Николая Ивановича Надеждина в «Телескопе» (1831, октябрь, №20, Библиография): *«Содержание их составлено из украинских преданий, обставленных приключениями из действительной жизни. Отсюда их высочайшая истинность, убеждающая сама в себе невольно. Изложение их вовышает прелесть очарования»* (Гиппиус 1940: 508).

После выхода второй части «Вечеров» в «Северной Пчеле» (1832, № 59) Ушаков оценивал её так же хорошо, как и первую. «Телескоп» утверждал, что во второй части *«... очаровательная поэзия украинской народной жизни представлена по всёму неистощимому богатству родных неподдельных прелестей ... Рудый Панько владеет кистью смелую, роскошною, могущественною. Его картины кипят жизнью»* (Гиппиус 1940: 508).

Под давлением полемики, переосмыслив две книги, Полевой исправил свою первоначальную оценку «Вечеров». В «Московском телеграфе» (1832, № 6) он написал: *«... гораздо превосходней первой ... Автор во многих местах очень хорошо воспользовался юмором своих земляков и многое представил в живописном, истинном виде. Его неистощимая весёлость дала ему средство оживить свои рассказы.»* (Гиппиус 1940: 508). Этой статьёй замкнулся круг отзывов на первое издание «Вечеров».

Спустя несколько лет впервые высказался Виссарион Григорьевич Белинский в своих «Литературных мечтаниях» («Молва» 1834): *«Г. Гоголь так мило прикинувшийся Пасичником, принадлежит к числу необыкновенных талантов. Кому не известны его Вечера на хуторе близ Диканьки! Сколько в них остроумия, весёлости, поэзии и народности! Да бог, чтобы он вполне оправдал поданные им о себе надежды»* (Гиппиус 1940: 509). Со временем отношение Белинского к Гоголю не изменилось и в статье «О русской повести и повестях Гоголя» 1835 г. он написал: Гоголь стал известен благодаря своим «Вечерам на хуторе». Эти поэтические очерки Малороссии полны жизни и очарования. В них отражается всё, что может быть прекрасным в природе — обольстительная сельская жизнь простых людей, всё, что народ обладает оригинальным и типичным, все эти элементы блещут радужными красками в первых поэтических произведениях Гоголя. *«Это была поэзия юная, свежая, благоуханная.»* (Гиппиус 1940: 509).

2.3. Характеристика произведения

«Вечера на хуторе близ Диканьки» представляют собой первую книгу, точнее, цикл повестей Николая Васильевича Гоголя, разделенный на две части. Первая часть была опубликована анонимно в 1831 году, вторая последовала в 1832 году. Рассказчиком выступал пасечник Рудый Панько. В этих восьми небольших прозаических произведениях, скорее, чем о рассказах в строгом смысле, речь идет о историях и сказаниях, стилизованных как рассказы простых деревенских жителей, собирающихся у пасечника Рудого Панька. Сам пасечник выступает в основном как скромный и находчивый импресарио, который вводит каждую часть произведений ситуационно-поясняющим выступлением, время от времени вступает в диалог с читателем и рассказчиками, прямо и косвенно комментируя и иронизируя отдельные

истории. *V knížce jako celku se tím navozuje žádoucí dojem hromadnosti, nenásilně se dostává do popředí představa aktivního, v podstatě moudrého a bodrého lidového společenství jako hlavního nositele stěžejních duchovních a mravních hodnot a napovídá se tak obecněji dobové přesouvání těžiště společenského i literárního důrazu od jedince k masám.»* (Honzík 1977: 154).

Большая часть «Вечеров» связана прежде всего с традициями фольклорного романтизма, с ярко выраженным интересом того времени к жизни, нравам и поэзии простого, не испорченного городской жизнью народа. Большинство современников воспринимало произведение как живописные картины украинского села и, как правило, даже не осознавало «... o kolik vynikají nad tehdejší etnografické beletrizování, a to jak svým opravdovým lyrickým vzletem, tak vlastnostmi ...» (Honzík 1977: 155). На ряду с пушкинскими сказками они знаменовали поворот в отношении русской литературы к внутреннему фольклору и творческое проникновение к ядру исключительной национальной, восточнославянской особенности русской и украинской народной поэзии.

Отчётливо это проявилось на языковом уровне, обильным, но, тем не менее, умеренным и разумно дозированным употреблением украинизмов, а также абсолютной лёгкостью повествования, приравниванием большинства повестей дополнительно записанному устному повествованию, наличием большого количества диалогов и других приёмов речи, таких как риторические вопросы, восклицания, торжественные обращения, разные формы плачей, заклинания, проклятия, молитвы и т.д. Самым важным было то, что Гоголь сосредоточился не только на поэтических, но и на повседневных моментах народной жизни. На ряду со сказочной фабулой, мифологическим восприятием природы и необузданным воображением выступают конструктивные элементы его повествования и чёткие жизненные обстоятельства, способ жизни, конкретные лица, одежда, инструменты, навыки и пристрастия украинских сельчан. Это всё выводит повести из рамок романтизма, «*dělá z nich vesnické povídky v báchorečném rouše, žertovně či strašidelně laděné příběhy ze života, kde reálné a ireálné, snové a odpozorované se navzájem prostupuje a doplňuje naprosto samozřejmě a v postavení dvou zcela rovnoprávných a rovnocenných ontologických sfér.»* (Honzík 1977: 155).

В этом плане «Вечера» полностью соответствуют наивному народному сознанию былого времени, которое прямодушно верило в существование сверхъестественных явлений, русалок, нечистых сил и чёртов и с удовольствием им приписывало человеческий облик. Таким образом, например, в «Ночи перед Рождеством» является чёрт, который не только не внушал никому страх, но и даже выглядел «спереди совершенно немец», но зато «сзади он был настоящий губернский стряпчий в мундире, потому что у него висел хвост, такой острый и длинный, как теперешние мундирные фалды». Однако даже там, где присутствует «тёмный романтизм» и демонология не растворяется в мило реалистической комичности, повести сохраняют народный характер, народную атмосферу и интонацию. «*Nepokrytou úsměvností pak Gogolovy vyprávěny jiskří zejména potud, pokud ... líčí vítězství dobra nad zlými silami, nebo přímo zachycují lidové veselice, radovánky a svátky. ... V tomto půvabném vstupním skvostu knížky je každé kapitolce navíc postaveno do čela motto z pokladnice*

lidového mudrosloví, živelně materialistická konkréta se k nerozlišení proplétají s čirými plody fantazie, bujná epizoda se vrší na epizodu a výsledkem je evokace nesmírně plnokrevného a svátečního lidového bytí.» (Honzík 1977: 156).

Центральной темой, объединяющей все повести цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки», заключается в торжестве добра над злом. Автор, через своих персонажей, демонстрирует, что материальные богатства не всегда приносят счастье, а земные страсти могут заставить человека поддаться темным силам. В то время как добродетель и искренняя вера всегда являются спасительными силами, даже в самых сложных жизненных ситуациях.

Основная идея произведения проста и понятна: все тайное, в итоге, становится явным, а за совершенное зло неизбежно наступит возмездие. При этом автор не осуждает своих героев, чьи жизни подчинены низменным страстям, так как они уже подверглись заслуженным наказаниям и были высмеяны: «... замысел «Вечеров» не ограничивался один лишь желанием развеять тоску – «развеселить» читателя. В своих «сказках» ... отразилась и питаемая им [Гоголем] сюзмала «страсть наблюдать за человеком», писатель стремился многому научить читателя. Сама фантастика гоголевской «сказки», при всей кажущейся произвольности, подчинена глубокому внутреннему смыслу.» (Виноградов 2000: 13).

3. Фольклорные мотивы в произведении: описание, функции, анализ их отношения с настоящим фольклором

3.1. Определение термина фольклор и его отдельных жанров, используемых в «Вечерах»

Исторически предшествующий литературе фольклор всегда был одним из её источников. В частности «Вечера на хуторе близ Диканьки» являются ярким примером вышеприведённому утверждению. В произведении Николай Васильевич Гоголь возвышает добро над злом, самоотверженность и человеколюбие над эгоизмом, храбрость над трусостью, трудолюбие и активность над ленью и праздностью, великодушие над корыстолюбием посредством отражения народных представлений и собственных мечт о справедливых социальных отношениях, об идеальном человеке, прекрасном как внешне, так и нравственно. Писатель убеждает своих читателей, что власть денег губительна, счастье достигается не преступлением, а добром, человеческие, земные силы побеждают демонические, нарушение природных, народно-нравственных законов, предательство родины заслуживает тягчайшей кары. В «Вечерах...» герои находятся во власти религиозно-фантастических представлений, языческих и христианских верований: *«... собственные гоголевские «сказки» обнаруживают самую тесную связь с окружающим миром. ... Для Гоголя сказка – возможность заговорить с читателем на языке художественных образов о самой истине, в незамысловатом повествовании преподать серьезный нравственный урок.»* (Виноградов 2000: 8–9).

Фольклор – это общий термин для обозначения устного, музыкального, танцевального и драматического творчества народа, под которым подразумевается большая часть деревенского и меньшая часть городского населения в прошлых временах. Термин происходит от английского folk - народ, loge - мудрость. Фольклор является противопоставлением искусства. Он всегда реализовывался на локальном, максимум на региональном уровне. С другой стороны, его можно рассматривать как открытую и постоянно меняющуюся культурную систему своего времени, границы которой сложно определить. Определение фольклора варьируется в зависимости от традиций в разных странах; в некоторых местах оно включает также изобразительное искусство и обычаи, а также другие аспекты народной культуры. То, что мы воспринимаем как фольклор, в XVIII веке и частично еще в XIX веке (а также снова в начале XX века) рассматривалось как противоположность художественной культуре, хотя обе области постоянно взаимопроникали и взаимодействовали. В развитии фольклора важную роль играли традиции, устная передача, локальная привязанность, синкретизм, интерференция, различный уровень цензуры и самоцензуры, языковая естественность, коллективная реализация и обмен, специфическая эстетика, отсутствие или ограниченное образование носителей и повседневное применение. Фольклор всегда существовал на местном, максимум региональном уровне; национальный фольклор является результатом процесса национализации европейской среды в XIX веке. *Z jiného úhlu pohledu lze f. považovat za vcelku otevřený a permanentně se proměňující kulturní*

system své doby, jehož hranice není možné jasněji vymezit, neboť se neustále měnily.»
(Отčenášek 2013: 11).

Фольклор представляет собой искусство устного слова, отличную от литературы и других видов творчества, и поэтому в древности стало основой синкретичности. Этот вид искусства возник до изобретения письменности, поэтому он использует выразительные средства устной речи. Фольклор включает в себя разнообразные произведения, такие как былины, исторические песни, сказки, предания, легенды, сказы, обрядовые, семейные и любовные песни, причитания, частушки и драмы. Некоторые жанры фольклора перешли в литературу, однако они приобрели свои уникальные черты. Каждый жанр фольклора отличается своим содержанием и характеризуется особым составом персонажей: *«Жанры характеризуются и особым составом персонажей: в былинах действуют богатыри Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алёша Попович, в сказках — Иван-царевич, Иван-дурак, Василиса Прекрасная, Баба Яга, в семейных песнях — жена, муж, свекровь.»* (Тимофеев 1974: 437). Фольклор также обладает своей системой выразительных средств, таких как композиционные и стилистические приемы, которые в определенной степени проникли в литературу, но остаются характерными именно для фольклора.

Народная песня – общее название любой песенной композиции фольклорного происхождения, один из древнейших поэтических жанров. Исходя из словаря терминов *«Lidová píseň - (zast. prostonárodní či národní píseň) je obecné označení jakékoliv písňové skladby folklorního původu.»* (Отčenášek 2013: 32). Аналогично большинству других видов и жанров народного устного творчества, это устно передаваемое искусство, авторы которого в основном неизвестны. Отдельные песни могут существовать в различных вариантах.

Народные песни делят на эпические, лирические, лиро-эпические и лиро-драматические. Опираясь на определение в литературоведческом словаре, следует подчеркнуть, что эпическим песням, таким как русские былины, украинские думы, гайдуцкие и юнацкие песни южных славян, а также испанские романсеро, свойственна развитая повествовательность. В традиционных лирических песнях повествовательный элемент развит слабо. Их основная цель заключается не в изображении событий, а в выражении определенного идеологического и эмоционального отношения к ним. Различные жанры народной лирики отличаются характером выражаемых эмоций. Лиро-эпическими жанрами являются народные баллады и причитания, в которых развернутое повествование сочетается с сильным эмоциональным звучанием. Примером лиро-драматических жанров служат хороводные и игровые песни, содержание которых разыгрывается. В зависимости от условий бытования народные песни делятся на обрядовые и необрядовые, песни семейно-бытового характера. Календарные обряды сопровождалась песнями, такими как колядки, подблюдные, масленичны, веснянки, купальские, жатвенные и дожиночные, а также помочные песни. Основная цель календарных песен — оказать желаемое воздействие на природу, способствуя хорошему урожаю. Песни семейно-бытового обряда сопровождали важнейшие моменты в жизни человека. Необрядовые песни исполнялись в самых различных условиях и в любое время года. *«Их содержание претерпело значительные исторические изменения.»* (Тимофеев 1974: 268).

Следующим жанром, встречающимся в повести «Ночь на Ивана Купала», является заговор. Происходит от слова «говорить» и на ранних стадиях общественного развития был своеобразной словесной формулой, якобы обладающей сверхъестественной силой. Их делили на земледельческие, охотничьи, медицинские, любовные и т. д. *«Заговоры были связаны с суеверными представлениями о магическом действии слова и первоначально сочетались с различными обрядами.»* (Тимофеев 1974: 268).

В тексте также обнаруживается большое количество народных поверий и пословиц, отображающих мировосприятие славян тех времён. Поверье – это предание, основанное на суеверных представлениях. Пословица – это краткое, устойчивое в речевом обиходе, ритмически организованное изречение, обладающее способностью к многозначному употреблению в речи на основе принципа аналогии. *«Как вид устного народного творчества пословицы характеризуется таким типом образного построения, при к-ром воспроизводится экономно избранная конкретная ситуация с выделением таких сторон ее, которые, взятые в известной своей части, отвлеченно от других сторон, могут стать обобщенной формой передачи мысли.»* (Тимофеев 1974: 276).

3.2. Фольклорная основа повестей

Фольклорная основа цикла повестей является неотъемлемой частью произведения и придает ему особый колорит и неповторимость. Гоголь, обладая глубоким знанием украинского фольклора и народной культуры, умело использует фольклорные элементы для создания ярких и запоминающихся образов, сюжетов и атмосферы.

Фольклорные мотивы в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» играют важную роль в формировании сюжетной линии, характеров персонажей и общего настроения произведения. В каждой повести цикла можно найти множество элементов, заимствованных из народных сказок, преданий, песен, обычаев и обрядов. Эти мотивы не только обогащают повествование, ложатся в основу повестей, но и помогают Гоголю выразить национальный колорит и дух украинского народа.

Для основной характеристики данных повестей мы используем международную систематизацию Aarne-Thompson-Uther (сокращенно ATU) с соответствующим кодом (Uther 2004) для сказок и юмористических рассказов, а также Каталог чешских демонологических преданий (сокращенно КЃDP) с соответствующим кодом (Luffer 2014) для преданий.

Повесть «Сорочинская ярмарка» открывает цикл. Одним из ключевых фольклорных элементов, лежащих в основе сюжета, является легенда о проклятом месте (КЃDP 4.E). Согласно ей, место, где проходит ярмарка, проклято и наделено мистической силой. Легенда о проклятом месте является распространенным мотивом в народных преданиях. В украинском фольклоре такие места часто связаны с нечистой силой, проклятиями и привидениями. В «Сорочинской ярмарке» Гоголь умело

использует этот мотив, вводя в повествование рассказ о червонной свитке, которая приносит несчастья своему обладателю. Эта свитка становится символом проклятия и зла, что добавляет произведению элементы мистики и ужасов.

Другим важным фольклорным компонентом, использованным в повести, является народный анекдот. Этот жанр народного творчества известен своими остроумными и поучительными историями, которые часто высмеивают человеческие слабости и пороки. Гоголь использует анекдотические составляющие для создания живописных и запоминающихся персонажей. Например, образ Солопия Черевика, который постоянно попадает в нелепые и комические ситуации, является ярким примером использования народного анекдота. Его постоянные попытки продать свою свитку и избежать неприятностей создают комические сцены, которые добавляют повествованию легкости и юмора.

Следующим элементом фольклорной основы повести является образ ненастоящего чёрта, представленного в виде цыгана (ATU 1318). Гоголь использует распространённую в славянском фольклоре функциональную субституцию черта, заменяя его образом цыгана. В славянской мифологии цыгане часто воспринимались как иностранные колдуны или демонические существа. Этот мотив отражает народные верования и страхи, связанные с незнакомыми и загадочными фигурами.

Комбинируя легенду о проклятом месте с компонентами народного анекдота и образом ненастоящего черта, Гоголь создает многослойное и насыщенное произведение, которое отражает богатство украинского фольклора. Эта комбинация позволяет автору не только создавать напряжённую и мистическую атмосферу, но и добавлять в повествование комические и сатирические элементы.

В основе повести «Ночь накануне Ивана Купала» легенда о цветущем папоротнике (КЃDP 5.F.25). В славянском фольклоре цветущий папоротник – это редкое и магическое растение, которое, согласно поверью, цветет только в ночь на Ивана Купала. Тот, кто найдет этот цветок, обретет счастье и исполнение всех желаний. В повести Гоголя главный персонаж Петр находит цветущий папоротник, что приводит к череде мистических событий и исполнения его сокровенного желания, хотя и с трагическими последствиями.

Находит он его благодаря встрече с ведьмой и последующее сотрудничество с ней (КЃDP 1.A). В славянской мифологии ведьмы обладают сверхъестественными способностями и могут как помогать, так и вредить людям. В повести ведьма предлагает Петру сделку, которая кажется ему выгодной, но позже выясняется, что за это сотрудничество придется заплатить высокую цену. Согласно договору, он должен принести жертву, о которой он узнает уже постфактум. Жертвой становится младший брат его возлюбленной, что приводит к трагическому финалу. Этот мотив связан с народными верованиями о том, что связь с нечистыми силами всегда требует скрытой платы, которая становится известной только после совершения сделки.

В повести также используются другие фольклорные компоненты, такие как обряды и традиции праздника Ивана Купала, включающие прыжки через костёр и

поиски магических трав. Эти обряды отражают древние языческие верования, связанные с природой и магией.

Повесть «Майская ночь, или Утопленница» имеет ярко выраженный балладический сюжет, характерный для фольклорных произведений. Баллады часто повествуют о трагических событиях, связанных с любовью, предательством и сверхъестественными силами. В «Майской ночи» центральным элементом является история утопленницы, которая связана с трагической судьбой и мистическими событиями.

Одним из фольклорных мотивов, лежащим в основе повести является легенда о ведьме, способной превращаться в различных животных. В славянской мифологии ведьмы обладают способностью менять облик, становясь, например, кошками или волками (КЅДР 2.D). В повести Гоголя этот мотив представлен через историю о матери Левко, которая, приняв облик животного, подвергается нападению и получает ранение. Согласно народным повериям, если ранить ведьму в животном облике, то на следующий день в человеческом облике у неё будет то же самое ранение. Автор использует этот мотив, когда Левко ранит ведьму, и на следующий день её находят с тем же повреждением.

В повести также присутствует образ ненастоящего чёрта (ATU 1318). Этот персонаж представлен через председателя сельского совета, который, играя роль демонического существа, в действительности оказывается обманщиком или хитрецом.

Повесть «Пропавшая грамота» также опирается на фольклорную традицию. Основой сюжета служит история деда Фомы Григорьевича, отправленного с грамотой к царице, который сталкивается с мистическими силами и таинственными персонажами. В процессе своего путешествия он встречает запорожца-гуляку, с которым отправляется в шинок и вступает в сделку с дьяволом, чтобы вернуть пропавшую грамоту (КЅДР 2.F.30). Дьявол обещает помочь ему, но взамен требует исполнения условий, которые становятся источником его испытаний и приключений. В частности, дед Фома попадает в пекло, где собираются ведьмы, чудища и черти на шабаш (КЅДР 1.A.185).

Запорожец, являясь чёртом, вводит деда в мир тайн и опасностей, раскрывая ему свои дьявольские сделки и последствия. Важным моментом является сцена в пекле, где дед Фома оказывается в окружении ведьм и чертей, с которыми он играет в карты в надежде вернуть свою грамоту.

Повесть «Ночь перед Рождеством» обогащена различными фольклорными мотивами, включая народные традиции предания. Эти элементы играют важную роль в создании атмосферы и сюжетных поворотов в произведении. Центральным мотивом повести является легенда о чёрте, который украл месяц, что в народном сознании ассоциируется с необычайными событиями и загадками, происходящими в долгие зимние ночи (Авілін 2015: 121–123).

Основной сюжетный поворот в повести связан с заданием, которое повстаёт перед кузнецом Вакулой — достать черевички, которые носит сама царица. Этот мотив является типичным для многих сказочных сюжетов, где герою предстоит выполнить трудное задание с целью заполучить возлюбленную (АТУ 313). В повести присутствует также народный анекдот о человеке в мешке, которого бьют (АТУ 1419В, АТУ 1571*).

Повесть «Страшная месть» является одним из наиболее трагических произведений в цикле и отражает ряд фольклорных мотивов, типичных для славянских народных поверий и преданий.

Одним из основных мотивов повести является встреча живого человека с мёртвым (КЃДР 3.А). Этот мотив часто встречается в украинских народных повестях и легендах, где привидения и мертвецы возвращаются на землю с целью мщения или исполнения какого-то назначения. В «Страшной мести» колдун воплощает этот образ, используя свои силы для наказания и мщения за свои обиды.

Колдун — центральный антагонист повести, который обладает магическими способностями. Он вредит девушке Катерине, не получившей его взаимности, и мстит ей, убивая её ребёнка (КЃДР 1.В.15). Особенно сильно выражен мотив наказания за отвержение в отношениях колдуна с Катериной. Колдун, чувствуя себя уязвлённым и отвергнутым, принимает решение мстить, что приводит к трагическим последствиям. Убийство ребёнка Катерины становится не только актом мести, но и символом утраты и жертвы.

Последняя повесть в цикле, «Заколдованное место» вдохновлено народной легендой о поиске клада, который оказывается недоступным или обманчивым (КЃДР 6.С). В славянской фольклорной традиции такие истории часто связаны с проклятыми местами или местами, где действует нечистая сила. Люди, желающие найти эти богатства, часто сталкиваются с неожиданными препятствиями, созданными мистическими силами. Например, клад может быть зачарован таким образом, что его обнаружение становится возможным только для того, кто обладает определёнными качествами или проходит определённые испытания. В других случаях, место, где спрятан клад, охраняется духами умерших или иными надсмотрщиками, которые не позволяют посторонним приближаться к священному или запретному. Дед, выходящий на поле с заступом и лопатой, ожидая найти клад, сталкивается с мистическими силами, которые изменяют его восприятие реальности и приводят к странным событиям.

Таким образом, фольклорная основа играет важнейшую роль в создании повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки». Используя фольклорные мотивы, обряды, песни и характеры, Гоголь не только придает своим произведениям национальный колорит и глубину, но и сохраняет и передает читателю богатство славянской, в частности, украинской народной культуры.

3.3. Народные пословицы и преданья

В указанных цитатах из цикла повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя представлены образцы народной мудрости и поверий, характерные для

украинской культуры. Они отражают глубокие устои и представления о мире, раскрывая специфический менталитет и образ мышления того времени. Прежде всего, в этих высказываниях прослеживается вера в сверхъестественное и присутствие духовных сил, влияющих на жизнь и судьбы людей. Чертовщина, чёрт, колдун — это символы зла и несчастья, с которыми люди сталкиваются в своей повседневной жизни. Они служат объяснением для непонятных событий или неудач, а также могут быть использованы для формирования моральных уроков и предостережений.

В повести «Сорочинская ярмарка», отец Параски, Солопий Черевик, услышав разговор двух торговцев на ярмарке выражает свое убеждение, что негативные силы или проклятие, связанные с этим местом, препятствуют успешной торговле: *«То-то и есть, что если где замешалась чертовщина, то ожидай столько проку, сколько от голодного москаля... Заседатель ... отвел для ярмарки проклятое место, на котором, хоть тресни, ни зерна не спустишь.»* (Гиппиус 1940: 117). В данном эпизоде представлен образ народной суеверии и поверий, которые оказывают влияние на поведение и решения персонажей. Упоминание о том, что место для ярмарки выбрали проклятое, является проявлением веры в сверхъестественные силы и суеверия, которые могут влиять на успешность или неудачу дела.

Далее, в десятой главе, когда после происшествия с красной свиткой мачеха Параски Хавронья гонит Солопия на ярмарку, чтоб тот продал лошадь, он по пути размышляет что могло стать причиной его неудач. И, наконец, приходит к выводу, что во всём виноват понедельник: *«Недаром, когда я сбирался на эту проклятую ярмарку, на душе было так тяжело, как будто кто взвалил на тебя дохлую корову, и волы два раза сами поворачивали домой. Да чуть ли еще, как вспомнил я теперь, не в понедельник мы выехали. Ну вот и зло всё!»* (Гиппиус 1940: 130). Дело в том, что у украинцев понедельник всегда считался тяжёлым днём: *«Таке вірування, слід думати, з'явилося за часів, коли в Україні почали "понеділкувати" — постувати.»* (Таланчук 2007: 102).

В этой же повести Солопий говорит о своей жене: *«В старухе дьявол сидит.»* (Гиппиус 1940: 133). Это поверье, выражающее идею о том, что у пожилых людей может быть склонность к неадекватному поведению или к действиям, которые могут казаться странными или непонятными. Данное выражение связано с тем, что в старости человек может быть подвержен влиянию своих внутренних демонов или негативных качеств, что может проявляться в его поведении или характере.

Также в повести «Майская ночь» Козак Левко думает о девушке Ганне, просящей рассказать ей историю: *«Видно, правду говорят люди, что у девушек сидит чорт, подстрекающий их любопытство.»* (Гиппиус 1940: 156). Данное выражение описывает представление о том, что женское любопытство может быть влиянием злого духа. Эта фраза подчеркивает идею о том, что женщины могут быть подвержены искушению и интересу к запретному или опасному, и в некоторых культурах это считается результатом дьявольского влияния.

Тут же, в главе «Парубки гуляют» голова не мог спать из-за неожиданного гостя - винокура, с которым они обсудили дела. И когда, вдруг, вошел пьяный мужчина из

села, насмешивший девушек, и лег спать на лавку. Голова хотел выгнать его, но винокур остановил его, считая это плохим предзнаменованием. Пьяный мужчина стал оскорблять голову. Голова взбесился и выбежал поймать хулиганов. Но вместо них голова с винокуром обнаружили свояченицу головы. Изумленная не менее остальных, она немного пришла в себя и сделала движение подойти к ним, но голова закричал диким голосом и захлопнул за ней дверь. Он продолжил, назвав её сатаной, и потребовал огня, заявив, что не пожалеет казенной хаты и прикажет поджечь её, чтобы на земле не осталось ни следа от нечисти. Сваяченица в ужасе закричала, услышав это грозное распоряжение. Винокур заметил, что, несмотря на седину, у остальных до сих пор не хватило ума понять, что от обычного огня ведьма не загорится. *«Только огонь из люльки может зажечь оборотня.»* (Гиппиус 1940: 172).

Считалось, что оборотни — это существа, превращающиеся из людей в волков или других животных, ведьмы также считались оборотнями из-за своей способности принимать образ животных или растений. По многим легендам, оборотня можно убить только огнем, и даже тогда этот огонь должен быть особого рода. Огонь, зажженный из священной трубки, символизирует священную силу или духовное воздействие, способное преодолеть злого оборотня. Это суеверие также может отражать идею, что только благословенный или священный огонь обладает достаточной мощностью, чтобы победить злого духа или существо.

После вышеприведённого эпизода голова и винокур решили проверить свояченицу, заставив её перекреститься. Писарь попросил всех остановиться, призывая не совершать греха напрасно, и предположил, что, возможно, это не сатана. Он предложил проверить это, попросив существо, находящееся внутри, наложить на себя крестное знамение, что было бы верным признаком его человеческой природы. Предложение было одобрено. Писарь, приложив губы к скважине в дверях, призвал сатану не шевелиться, иначе они откроют дверь. Дверь отворилась. *«Перекрестись!» сказал голова...*» (Гиппиус 1940: 172). Этот отрывок можно рассматривать в контексте украинской мифологии и суеверий, где сатана и злые духи считаются реальными сущностями, которые могут вмешиваться в повседневную жизнь людей. В данном случае писарь предлагает испытать существо на его реакцию на крестное знамение, так как, согласно вере, дьявол не может терпеть прикосновения к священным символам, таким как крест. Если существо не реагирует на крестное знамение или даже пытается убежать от него, это считается признаком того, что оно не является дьявольским существом. Это отражает украинские представления о борьбе с духами зла и стремление людей к защите себя и своего окружения от влияния темных сил.

В начале повести «Страшная месть» Данило Бурульбаш, вместе со своей женой Катериной и годовалым сыном, отправился в Киев на свадьбу своего брата. Гости были удивлены тем, что старый отец Катерины не был с ними, учитывая его долгое отсутствие и лишь недавнее возвращение на родину. Как вдруг появился колдун. И вдруг в толпе поднялся шум, все обсуждали увиденную картину: *«Что это за колдун?» спрашивали молодые и небывалые люди. «Беда будет!» говорили старые, крутя головами.»* (Гиппиус 1940: 245). И не зря народ взволновался, ведь по повериям, пока колдун остается живым, черти ему служат, однако после своей смерти колдун становится собственностью нечистой силы. Исполнение поручений колдуна

возлагается на чертей, ведьм и «заставных» мертвецов. *«Він мусить постійно вигадувати їм якусь роботу на шкоду людям: насилати на них хвороби, псувати худобу, відбирати в корів молоко, робити закрутки, присушки, перетворювати людей на вовків.»* (Таланчук 2007: 218).

В цикле встречается и пословица, которая является эпитафией XI главе в повести «Сорочинская ярмарка»: *«За мое ж жито, та мене и побыто.»* (Гиппиус 1940:131). Эта пословица в украинской культуре означает, что если кто-то оставляет свое имущество в залог или на хранение, то он также оставляет и себя в залог. Данное выражение подчеркивает связь между человеком и его имуществом, подразумевая, что если что-то произойдет с этим имуществом, то это будет также затрагивать и его самого.

В повести «Вечер накануне Ивана Купала» пасечник, разговаривая с Фомой Григорьевичем, отбирает книгу у панича в гороховом кафтане из Полтавы и просит его сначала объяснить, что он читает. Он признается, что был несколько озадачен таким вопросом. Панич отвечает, что читает именно его, Фому Григорьевича, историю, его собственные слова. Фома Григорьевич удивляется, кто мог сказать, что это его слова, на что панич указывает, что это напечатано как рассказанная таким-то дьячком история. *«— Плюйте ж на голову тому, кто это напечатал! бреше, сучий москаль. Так ли я говорил? Що то вже, як у кого черт-ма клепки в голови!»* (Гиппиус 1940: 136). Вначале, в словарице малороссийских выражений, он указывает, что *«Клѣпки - выпуклые дощечки, из коих составлена бочка.»* (Гиппиус 1940: 108).

Это выражение означает, что у кого-то что-то не в порядке с мыслями или поведением, как будто у него в голове «клепки» или «болтаются чортячі клепки». Это указывает на смутные, запутанные или недостаточно ясные мысли или решения, возможно, вызванные стрессом, смятением или неопределенностью.

3.4. Народные обычаи и обряды

Цельность художественного мира Гоголя связана с перевоссозданием в нём древних пластов словесного творчества, которые восходят к архаическим обрядам и ритуалам. Они входят в творческое сознание писателя посредством промежуточной сферы фольклора, где, как указал на примере сказки Владимир Яковлевич Пропп (1895–1970), происходит воспроизведение архаических обрядовых структур. Архетипы народной обрядовой культуры занимают значимое место в поэтике текстов Н. В. Гоголя. Обрядовые мотивы прослеживаются в множестве его произведений. *«В них мы встречаем не только подробные описания народно-праздничных обрядов, но и различные формы ритуального или ритуализованного поведения персонажей.»* (Гольденберг 2009: 265).

Именно описанием обряда начинается предисловие Рудого Пасичника и называется он «вечерницы». На хуторах давно сложилась традиция: как только заканчиваются полевые работы, мужики устраиваются отдыхать на всю зиму на печи, а их братья переносят своих пчел в темные погреба, когда исчезнут журавли на небе и груши на деревьях, уже вечером где-то в конце улицы начинают мерцать огоньки, слышны смех и песни издали, звучат балалайка и иногда скрипка, звуки разговоров и

шум *«Это у нас вечерницы! Они, изволите видеть, они похожи на ваши балы; только нельзя сказать, чтобы совсем.»* (Гиппиус 1940: 104). И далее Рудый Панько объясняет различия балов и вечерниц, что на бал, как правило, едут для того, чтобы потанцевать и поскучать. У них же в одной избе собирается толпа девушек, совсем не для того, чтобы устраивать балы, а с веретенами и гребнями. Сначала они, кажется, будто бы и заняты делом: веретена шумят, звучат песни, и каждая занята своими делами. Но как только в избу входят парубки со скрипачом, раздается крик, начинаются веселья, начинаются танцы, и происходят такие события, что их даже не опишешь словами.

Вечерницы в жизни украинского народа являлись частью календарного года и были сопряжены с главными праздниками: *«Вечорниці – зібрання, на яких молодь готувала себе до шлюбу. На вечорницях молодь зближувалася, хлопці залицялися до дівчат, розповідали різні небилиці, всі співали пісень, танцювали.»* (Войнович 2002: 64). Всего было организовано восемь вечерницких встреч: первая — накануне Кульмы - Демьяна, вторая — на Пилипа, третья — на Рождество, четвертая — на Масленицу во время Всеядной недели, пятая — на Масленицу, шестая — на Пасху, седьмая — на Вознесение, а восьмая проводилась на зеленые праздники. Вечерницы прекращались во время Великого поста, летом их тоже не было, их заменяла так называемая "вулиця".

Действия в большей части повестей развёртываются во время или накануне праздника (*«Вечер накануне Ивана Купала»*, *«Ночь перед Рождеством»*) или в особом праздничном месте. В *«Вечере накануне Ивана Купала»* ведущее место занимают свадьба и её структурные компоненты: *«В старину свадьба водилась не в сравнение с нашей.»* (Гиппиус 1940: 147). В повести свадьба описано как девушки, украшенные яркими головными уборами из желтых, синих и розовых лент с золотыми галунами, в тонких рубашках с вышивкой из красного шелка и серебряными цветочками, надевали сафьянные сапоги на высоких железных подковах и прыгали в хороводах с плавностью павлинов и с шумом вихря. Молодицы с корабликами на головах из золотистой парчи и золотыми очипками, в синих кунтушах с красными клапанами, важно выступали поодиночке и мерно танцевали гопака. Парубки в высоких козацких шапках, в тонких суконных свитках, с шитыми серебром поясами и люльками в зубах, развлекались перед ними мелким бесом и подпускали турусы.

В этой же повести встречается и описание обряда, который проводила Пидорка над Петрусём, дабы излечить его: *«Чего ни делала Пидорка: и совещалась с знахорами, и переполох выливали, и соняшницу заваривали – ничто не помогало.»* Гиппиус 1940:148). И тут же Пасичник поясняет в примечании неискушенному читателю, что у них выливают переполох в случае испуга, когда нужно понять, что вызвало недуг; они опускают расплавленное олово или воск в воду, чтобы определить, что именно испугало больного. После этого беспокойство обычно уходит. Для облегчения болезненных ощущений и болей в животе используют заварку из соняшницы. Процесс включает зажигание куска пеньки, который затем бросают в кружку и переворачивают её в миску с водой, стоящую на животе больного. После ритуальных шепотов больному дают выпить ложку этой воды. Перед нами отчётливый пример медицинского ритуала и заговора.

В повести «Ночь перед Рождеством» сюжет опирается на обряд колядования, который Гоголь многократно наблюдал в своем родном крае. К главной героине Оксане приходят колядники, среди которых особенно привлекает её внимание Одарка и её новенькие черевички. Солоха скрывает гостей в мешках, а Вакула выгоняет их на улицу, что порождает новые повороты в сюжете. Атмосфера веселого и народного колядования царит в повести.

В повести упоминается, как бы невзначай, название ритуала колядования: *«Месяц величаво поднялся на небо посветить добрым людям и всему миру, чтобы всем было весело колядовать и славить Христа.»* (Гиппиус 1940: 201), но рассказчик Пасичник, как бы осознав, что не каждому читателю может быть известен данный обряд, делает сноску с разъяснением, что у них традиционно называют колядованием пение колядок под окнами перед Рождеством. Тому, кто поёт колядки, обычно бросают в мешок хозяйка, хозяин или тот, кто находится дома, колбасу, хлеб или медный грош, в зависимости от богатства хозяев. По словам Пасичника существует легенда о болване Коляде, которого ошибочно приняли за бога и связывают с происхождением колядок, но он это не утверждает, мол, не для простых людей этот вопрос. По словам рассказчика, в прошлом году отец Осип запретил колядовать по хуторам, считая, что этим народ угождает сатане. Однако правда в том, что слово «коляда» в самих колядках не упоминается. *«Поют часто про рождество Христа; а при конце желают здоровья хозяйину, хозяйке, детям и всему дому.»* (Гиппиус 1940: 201).

Тема единства народа, объединенного в праздновании Рождества Христова через колядование, является постоянно присутствующей в произведении: *«Шумнее и шумнее раздавались по улицам песни и крики. Толпы толкавшегося народа были увеличены еще пришедшими из соседних деревень. Парубки шалили и бесились в волю. Часто между колядками слышалась какая-нибудь веселая песня, которую тут же успел сложить кто-нибудь из молодых козаков.»* (Гиппиус 1940: 220).

В самой структуре фраз Гоголя, особенно в начале, ощущается влияние колядок, где традиционными символами являются звезды, месяц, а также звучат хвала Христу и обращения к добрым людям и всему миру: *«Зимняя, ясная ночь наступила. Глянули звезды. Месяц величаво поднялся на небо посветить добрым людям и всему миру, чтобы всем было весело колядовать и славить Христа.»* (Гиппиус 1940: 201).

В «Майской ночи» изображается святочная «гульба» парубков: *«Звонкая песня лилась рекою по улицам села. Было то время, когда утомленные дневными трудами и заботами парубки и девушки шумно собирались в кружок, в блеске чистого вечера, выливать свое веселье в звуки, всегда неразлучные с уныньем. И вечер, вечно задумавшийся, мечтательно обнимал синее небо, преобразя всё в неопределенность и даль. Уже и сумерки; а песни всё не утихали.»* (Гиппиус 1940: 153). Как указывает Виноградов, действие этой повести происходит, судя по времени года (май), в период так называемых Троицких святок, которые отмечаются на «зелёной», или «русальной» неделе, начинающейся с праздника Святой Троицы. Возможно, создавая сюжет повести, Гоголь принимал во внимание народный обычай, который он позднее зафиксировал, согласно которому взрослые девушки тайно отправляются в лес, чтобы

бросить завитые венки русалкам с просьбой помочь им найти суженых и будущих мужей. «Этому обычаю соответствует в «Майской ночи» то, что свою «суженую» герой «добывает» себе с помощью русалки.» (Виноградов 2000: 36).

Также следует отметить сходство двух миров в данной повести – земного и подводного – присущее в календарных обрядах, приуроченных к «зелёным сваткам» и берущее своё начало в язычестве: «*«Подводный» мир, словно пользуясь отсутствием поста на «зелёных святках», как бы выходит на землю и обольстительными «хороводами» вторгается – для испытания человека – в его праздничную жизнь. Соблазнительные русалки – живущие до того «обыкновенно в Днепре» - «в сие время расходятся» и пребывают среди людей «до Петрова дня».*» (Виноградов 2000: 36)

3.5. Народные песни

Широко используются украинские народные песни и пословицы, из которых Гоголь выбрал те самые известные и яркие для выражения внутреннего состояния героев своих повестей и в качестве эпиграфов к некоторым из них. Так в «Сорочинской ярмарке» эпиграфом к пятой главе повести служит украинская народная песня, которая является одной из самых известных семейно-бытовых казацких песен:

*«Не хилися явороньку,
Ще ты зелененькій;
Не журыся козаченьку,
Ще ты молоденькій!»*

(Гиппиус 1940: 120). Отрывок изначально настраивает читателя, что сюжет не будет грустным, что всё может в любую минуту измениться, о чём он в последствии и узнает, когда главный персонаж Грицько, не смеющий надеяться на союз с Параской неожиданно встречает цыгана и заключает с ним сделку. Связь данной песни с настоящим фольклором подтверждает наличие куплета в песне «Стоить явирь надъ водою» в собрании малороссийских песен Алойса Едлички (1821–1894) – украинского композитора и музыкального педагога чешского происхождения, проживавшего на Полтавщине. В его сборнике текст выглядит так:

*«Не хилися явороньку,
Ще ты зелененькій!
Не журыся козаченьку,
Ще ты молоденькій.»*

(Едличка 1861: 35).

В «Майской ночи» козак Левко, в начале повести, оказавшись под домом возлюбленной Ганны, играя на бандуре, запел лирическую народную песню:

*«Сонце низенько, вечер близенько,
Выйды до мене, мое серденько»*

(Гиппиус 1940: 153).

В сборнике у Едлички, в песне «Сонце нызенько» встречается строфа:

*«Сонце нызенько, вечирь близенько:
Выйды до мене, мое серденько!»*

(Едличка 1861: 23).

В той же повести, в конце, когда Левко очутился у дома, из которого выглянула русалка, он пел семейно-бытовую народную песню:

*«Ой, ти, місяцю, мій місяченьку,
И ты, зоре ясна!
Ой, свитыть там по подворью,
де дивчина красна.»*

(Гиппиус 1940: 175).

В собрании песен Едлички, в песне «Ой місяцю, місяченьку» есть строфа:

*«Ой місяцю, місяченьку
И ты зоре ясна!
Ой, свитить тамъ по подвирью,
Де дивчына красна!»*

(Едличка 1861: 40).

Потерявшая от горя рассудок Катерина из «Страшной мести говорит: «Мне пришла на ум забавная история: я вспомнила, как погребали мужа моего. Ведь его живого погребли...какой смех забирал меня!.. Слушайте, слушайте!» - И вместо слов начала она петь песню:

*Бижыть возок кровавенькій:
У тим возку козак лежить,
Постреляный, порубаный
В правій ручци дротык держить,
С того дроту кривця бижыть;
Бижыть рика кровавая.
Над ричкою явор стоить.
Над явором ворон кряче.
За козаком мати плаче.
Не плач, маты, не журыся!
Бо вже твій сын оженьвся.
Та взяв жинку паняночку,
В чистом поли земляночку,
И без дверец, без оконец.
Та вже писни вышов конец.
Танціовала рыба з раком...*

А хто мене не полюбить, трясця его матирь!»

(Гиппиус 1940: 273–274).

Данная песня не является элементом украинского фольклора, но своеобразным попури² из русских («Чёрный ворон», «Степь да степь кругом») и украинских («Стоить явирь надь водою», «Танцювала рыба з раком») народных песен, выражающее всю смешанность чувств и умопомешательство на фоне горя любящей жены и матери.

В повести «Ночь перед Рождеством» помимо подробного описания обряда колядования также присутствует и одна из известных щедровок:

«То вдруг один из толпы вместо колядки отпускал щедровку и ревел во все горло:

*Щедрик, ведрик!
Дайте вареник,*

---

² Попури – произведение, составленное из разных мелодий, перемешанных с фразами актёра, в произвольном порядке или же ничем не связанных между собой (Чудинов 1894: 696).

*Грудочку каши,
Кільце ковбаски!*

Хохот награждал затейника.»
(Гиппиус 1940: 220).

Но почему же все смеялись над исполнителем?

«Щедрый вечер» входит в перечень традиционных праздничных обрядов, связанных с новогодними и рождественскими торжествами, однако он отличается от «Свят-вечера» и наступает на неделю позже. Это праздник месячной ночи, из которой возникает золотистый свет. Ночь с 31 декабря на 1 января - рождение Месяца, верного брата Солнца. В этот святой вечер щедровками прославляют добродетель ночи, которая позволяет хозяину отдохнуть и набраться жизненных сил. Люди прощаются с богом Колядой и желают его молодому Солнцу ясных голубых высот. Вот почему этот вечер не только святой, но и щедрый. *«Щедрівки – величальні пісні на святі Щедрого вечора.»* (Войнович 2002: 605). Щедровка, как и колядка, относится к календарно-обрядовым народным песням.

3.6. Персонажи

В творчестве Гоголя демонологические фигуры, такие как черти, ведьмы и русалки, играют значительную роль. Христианство не только внесло новые термины и концепции в славянскую демонологию (такие как дьявол, демон, сатана), но и изменило восприятие этой области: оно окончательно превратило сверхъестественные силы в силы зла и нечистоты. Термин «нечистый», постоянно употребляемый для обозначения черта в украинских повестях, противопоставляется христианской душе, в частности душе казака-запорожца, у Гоголя. Эту антитезу можно проследить в таких повестях «Вечеров» как «Заколдованное место», «Страшная месть», «Ночь перед Рождеством».

Как уже было подчеркнуто, действия в большей части повестей развёртываются во время или накануне праздника, что объясняет появлением и активизацией нечистой силы. Праздник представляет собой период, когда граница между потусторонним и земным мирами расплывается и становится проницаемой в обе стороны и *«... является часом «икс» не только для демонов, но также и для всего сонма потусторонних и хтонических существ, буквально наводняющих сей мир.»* (Агапкина 2000: 212).

Чёрт является одним из самых популярных персонажей украинской демонологии олицетворяющим злые силы и одним из самых часто появляющихся мифологических персонажей в «Вечерах». *«Все, що мало негативну оцінку з погляду розвинутої за християнства моральності, а також невідоме, таємниче, що не йшло від божественного провидіння, було віднесено до темної, диявольської сили.»* (Таланчук 2007: 201). Однако этот образ очень объёмен, многолик и соединяет в себе черты персонажей из сказочных жанров и жанров несказочной прозы: *«Описання чертовщини у Гоголя побудовані на відкритій або напівприкритій аналогичності бесовського і людського.»* (Манн 1988: 21).

Чорт также является популярным персонажем бытовой сказки, где он выступает не как уничтожитель человеческих душ, а как жертва, обманутый хитрым сказочным

персонажем: его мучает злобная женщина, он подвергается ударам кузнечного молота, его жестоко бьет москаль. *«Комічна природа цього образу впливає зі специфіки жанру новелістичної казки й карнавальної сміхової культури, не маючи нічого спільного з жахливим демонологічним персонажем, який постає в легендах і народних уявленнях про чортів.»* (Таланчук 2007: 207). Именно повесть «Сорочинская ярмарка» основана на народной украинской легенде о чёрте, изгнанном из пекла. Он заскучал и *«Давай с горя п'янствовать. ... и стал чорт такой гуляка, какого не сыщешь между парубками. С утра до вечера, то и дела, что сидит в шинке!..»* (Гиппиус 1940: 125). Пропив все деньги, он заложил красную свитку, сшитую у портного из особого, очень дорогого материала. Когда чёрт пришёл за свиткой, оказалось, что её уже украли цыгане.

Славяне верили, что цыгане – это иностранные колдуны: *«Наймогутнішими вважалися чарівники, які набули знань не в своєму середовищі — іноземні чаклуни. Для українців такими були частіше москалі, білоруси, цигани тощо.»* (Таланчук 2007: 219). А колдун, в свою очередь, *«... реальна людина з надприродними здібностями, які має від народження або які отримала, підписавши угоду з нечистою силою.»* (Таланчук 2007: 219). Таким образом, мы имеем дело с неким заменителем чёрта, который становится центральным элементом истории, функциональной субституцией. *«Народная смеховая культура на протяжении нескольких веков выработала устойчивые традиции опрощения, дедемонизации и одомашнивания христианско-мифологических образов зла.»* (Манн 1988: 20).

Грицько Голопупенко желал вступить в брак с Параской, однако мачеха девушки выразила свое несогласие с этой идеей. В отчаянии Грицько продал своих волов цыгану, которого он встретил случайно на ярмарке, в обмен на помощь в устройении свадьбы, не подозревая, что этот цыган - на самом деле черт. В разговоре с ним Грицько говорит, как бы чувствуя неладное: *«Вашему племени всё бы корысть только. Поддеть да обмануть доброго человека.»* (Гиппиус 1940: 120). Несмотря на это он заключает сделку с дьяволом, сам того не осознавая. После этого Грицько с недоумением взглянул на цыгана. В его смуглых чертах присутствовало что-то злобное, язвительное и презрительное, смешанное с высокомерием. Человек, встретивший его взгляд, уже был готов признать, что в этом человеке есть великие достоинства, но его судьба связана только с виселицей на земле. Черт, в свою очередь, сыграл шутку с отцом Параски, Солопием Черевиком, подсунув ему красную свитку - символ дьявольского обмана.

В повести «Вечер накануне Ивана Купала» Петрусь стремился получить от Пидорки проявление ее любви, но она предъявила условие - он должен принести ей цветок папоротника, который произрастает только на местности, обладающей мистической силой. Несмотря на опасность, Петрусь решился отправиться туда и столкнулся с различными проявлениями нечистой силы: лешим, русалками, чертом. Добыв цветок и несметные богатства ценой убийства брата Пидорки по требованию демонических существ, он потерял память и счастливого брака так и не вышло, а читатель узнал, что *«Дивно только показалось Пидорке, когда стала рассказывать, как проходившие мимо цыгане украли Ивася.»* (Гиппиус 1940: 147).

Образ цыгана встречается и в повести «Пропавшая грамота»: *«В лесу живут цыганы и выходят из нор своих ковать железо в такую ночь, в какую одни ведьмы ездят на кочергах своих. Чем они промышляют на самом деле, знать тебе нечего.»* (Гиппиус 1940: 185).

Развивая мысль Ю. В. Манна о «демонизации» чёрта и его объёмном образе в повестях Гоголя, стоит отметить его изображение в «Ночи перед Рождеством», где он приобретает совершенно человеческий образ в эпизоде в начале повести. Чёрт описан, как совершенный немец спереди: его узенькая, беспрестанно вертевшаяся мордочка, как у диканьских свиней, оканчивалась кругленьким пяточком. Ноги были настолько тонкие, что, если бы такие были у яресковского головы, он бы переломал их в первом козачке. Однако сзади он был настоящим губернским стряпчим в мундире благодаря своему острому и длинному хвосту, напоминающему мундирные фалды. *«... только разве по козлиной бороде под мордой, по небольшим рожкам, торчавшим на голове, и что весь был не белее трубочиста, можно было догадаться, что он не немец и не губернский стряпчий, а просто чорт.»* (Гиппиус 1940: 201–202).

Чёрт строил «любовные куры» с ведьмой Солохой, что автор описывает как абсолютно человеческое явление, подчёркивая мерзкую внешность этого существа. В моменте чёрт, подойдя ближе к ведьме, взял её за руку и начал шептать на ухо то, что обычно шепчут женщинам мужчины. Рассказчик восклицает, что жизнь на этой земле устроена так загадочно, всё живое стремится подражать и пародировать друг друга. Можно уверенно предположить, что для многих будет удивительно увидеть чёрта, который сам делает подобное. Однако самое интересное в том, что он, видимо, считает себя привлекательным, хотя его облик вызывает лишь смех и недоумение. *«Рожка, как говорит Фома Григорьевич, мерзость мерзостью, однако ж и он строит любовные куры!»* (Гиппиус 1940: 204).

Здесь описание внешности чёрта максимально приближенно к традиционному представлению. Внешность чёрта совершенно не привлекательна. Он покрыт шерстью, его лицо напоминает собачье, нос длинный, изогнутый или свиной, рога как у козла, есть борода и ноги. У него руки с когтями на пальцах, обнаженные зубы, глаза красные *«Людам переважно з'являється у вигляді німця, ляшка в куцо́му фраку, брилі.»* (Таланчук 2007: 203).

Чорт также является популярным персонажем бытовой сказки, где он выступает не как источник гибели душ людей, а как жертва — обманутый хитрым сказочным героем: его мучает злобная женщина, он попадает под кузнечный молот, и его жестоко бьют москали. *«Комічна природа цього образу впливає зі специфіки жанру новелістичної казки й карнавальної сміхової культури, не маючи нічого спільного з жахливим демонологічним персонажем, який постає в легендах і народних уявленнях про чортів.»* (Таланчук 2007: 207). Именно в «Ночи перед Рождеством» он представлен в такой роли, когда Вакула его оседлал с целью добыть черевички для Оксаны.

В повести «Пропавшая грамота», повествующей о куме Иване Никифоровиче, который теряет грамоту гетмана и попадает в руки черта, также присутствует сходное описание, где черти с собачьими мордами, на немецких ножках, маша хвостами, вились

около ведьм, очень похоже на то, как парни окружают красивых девушек, а музыканты ударили себя в щеки кулаками, как в барабаны, и свистели носами, подобно флейтистам. Как только они увидели деда, они немедленно ринулись к нему ордой. *«Свинные, собачьи, козлиные, дрофиные, лошадиные рыла — все повытягивались, и вот, так и лезут целоваться.»* (Гиппиус 1940: 188).

В «Вечере накануне Ивана Купала» Бисаврюк также представлен как беспокойный бродяга, вызывающий чувство неукротимого страха. Его персонаж описывается как *«дьявол в человеческом образе», «бесовский человек»*. (Гиппиус 1940: 138–139). И именно с ним Петрусь заключил сделку, чтоб достать цветок папоротника, который по легенде, цветёт единожды в год, а именно в ночь на Ивана Купала. Встретившись с ним в Медвежьем овраге, Басаврюк предупреждает его о встрече со следующим персонажем из славянской мифологии – Бабой Ягой, по совместительству и ведьмой. Рассказчик в подробностях описывает эту сцену: *«Лицо Басаврюка вдруг ожило; очи сверкнули. «Насилу воротилась, яга!» проворчал он сквозь зубы. «Гляди, Петро, станет перед тобою сейчас красавица: делай всё, что ни прикажет, не то пропал навеки!»»* (Гиппиус 1940: 145). После этого Басаврюк прошёл сквозь куст терновника, расчищая путь суковатой палкой, и перед ними появилась избушка, известная по народным преданиям как «на курьих ножках». Он ударил кулаком, заставив стену покачнуться. Из избы выбежала большая черная собака, которая с визгом превратилась в кошку и метнулась к ним. Басаврюк сказал, словно заклиная её, чтоб она перестала беситься. Вместо кошки перед ними оказалась старуха с лицом, сморщенным, как печеное яблоко, искривленным в дугу; её нос с подбородком напоминали щипцы для орехов. Петро подумал про себя, что видит прекрасную красавицу, и мурашки побежали по его спине. Ведьма вырвала у него цветок из рук, наклонилась и долго шептала над ним, распыливая какую-то воду.

Согласно представлениям славян, Баба-Яга может повставать в разных образах и принадлежит одновременно к двум мирам. Баба-Яга в народных представлениях повстаёт в образе змеи, ведьмы, целительницы, жрицы, старухи-ворожеи, умершей — в зависимости от изменений мировоззрения славян в разные эпохи, а также от роли женщины в славянской жизни. Как это обычно бывает в мифологии, она связана с жизнью и смертью.

Искусство перевоплощения, согласно славянским верованиям, одно из главных свойств ведьмы: *«Основна ж їхня властивість — це здатність до перевертництва. Відьма легко може ставати жабою, кішкою, собакою, свинею, вороною, гускою, ластівкою і навіть лелекою, конем, коровою, вовчицею, перекинутися на мишу, вужа, гадюку або черепаху, покотитися раптом колесом, решетом, обручем, посунути копицею сіна, вирости куцем.»* (Таланчук 2007: 141).

Согласно календарной мифологии, ночь Ивана Купала период активности этого демонологического существа. В славянской календарной мифологии ведьма занимает важное место, а также ряд других демонологических персонажей, которые либо близки к ведьме по определённым характеристикам, либо являются её разновидностями. Ведьма представляет собой существо с двойственной природой, и именно её демоническая сущность выражается в том, что она является той самой ведьмой, которая

на определённых праздниках блуждает, наносит вред людям и устраивает шабаш, а по завершении праздника исчезает или подвергается ритуальному уничтожению. «... у восточных и западных славян ведьма наиболее заметно проявляет себя в постапасхальный период (основными «точками» её активности является Юрьев день и Ивана Купала).» (Агапкина 2000: 217–218).

Ведьма является также активным персонажем в повести «Ночь перед Рождеством», о чём уже вскользь упоминалось. Ведьмой в украинской культуре называют женщину, которая водится с нечистью, обладает сверхъестественной силой и использует её для нанесения вреда людям. «*Природа відьми подвійна: з одного боку, вона належить до світу демонів, до потойбіччя; з іншого — до світу людей.*» (Таланчук 2007: 210).

Рассказ открывается чудной сценой как неожиданно из трубы одной из хат взметнулся дым, образуя клубы, за ними следом летела ведьма на метле. Она медленно взмыла на такую высоту, что её силуэт виднелся лишь как маленькое черное пятнышко вдалеке. Но там, где появлялось это пятнышко, звезды одна за другой исчезали на небесах. «*Скоро ведьма набрала их полный рукав. Три или четыре еще блестели.*» (Гиппиус 1940: 201–202). А позже оказалось, что она является матерью главного протагониста истории – Вакулы, который ради любви буквально оседлал её любовника – чёрта: «*...кое-где начали поговаривать старухи, особливо когда выпивали где-нибудь на весёлой сходке лишнее, что Солоха точно ведьма; что парубок Кизяколупенко видел у неё сзади хвост величиною не более бабьего веретена; что она ещё в позапрошлый четверг черною кошкою перебежала дорогу, что к попадье раз прибежала свинья, закричала петухом, надела на голову шапку отца Кондрата и убежала назад.*» (Гиппиус 1940: 212).

В повести «Майская ночь, или утопленница» мы встречаем русалку – существо, характерное для восточнославянской мифологии. Русалка – мифологическое и фольклорное человекоподобное существо, преимущественно девушка, связанное с водоёмами. Виноградова указывала, что помимо общих мотивов, характерных для всей группы демонов-покойников, «русалочки» особенности включают ярко выраженную связь с водой и цветением растений. Оба эти признака, свидетельствующие о принадлежности русалок к категории женских сезонных духов, которые зимуют в воде и появляются на земле в период цветения злаков, прямо связывают генезис русалок с душами умерших в молодом возрасте девушек или детей. «*Считалось, что они появляются на земле на Русальной неделе, на Троицу или в Духов день, а в остальное время живут в воде.*» (Виноградова 2000: 44).

Из повествования главного персонажа, Левко, читатель узнаёт, что в повести русалка представлена как несчастная утопленница, панночка. Это соответствует традиционному представлению о русалках, которые являются утонувшими людьми. Важно отметить, что превращение злой мачехи в русалку также соответствует одному из народных поверий об их происхождении: «*Однажды ночью она увидела свою мачеху возле пруда, напала на нее и с криком утащила в воду.*» (Гиппиус 1940: 158). Считалось, что нельзя купаться или находиться у воды накануне Ивана Купалы: «*Говорили, что нельзя купаться до Яна/Ивана Купалы, так как в это время ... «ведьма утянет в воду»*

...» (Агапкина 2000: 214). Следовательно, согласно народным верованиям, если русалка уводит человека под воду, тот сам становится русалкой.

Внешность гоголевской русалки идентична с традиционными представлениями украинской мифологии: *«Бледная, как полотно, как блеск месяца; но как чудна! Как прекрасна!»* (Гиппиус 1940: 175). Бледность русалки может быть объяснена, во-первых, тем, что она чаще всего обитает в водоемах, где отсутствует прямой доступ к дневному солнечному свету на дне, а во-вторых, так как русалка является утопленницей, ее природа подразумевает бледный внешний вид.

Писатель описал также и хороводы, которые водили русалки: *«... в тонком серебряном тумане мелькали лёгкие, как будто тени, девушки в белых, как луг, убранный ландышами рубашках; ... они были бледны; тело их было как будто сваяно из прозрачных облак и будто светилось насквозь при серебряном месяце. Хоровод, играя, придвинулся к нему ближе.»* (Гиппиус 1940: 175). Согласно украинской мифологии, хороводы – одно из любимых занятий русалок в обеденное или полночное время: *«... улюблена пора русалок — полудень та опівнічний час. Русалки тоді розпалюють вогнища та водять довкола танці.»* (Таланчук 2007: 169).

Панночка, свойственно традиционной русалке, заманивает к себе мужчин и будучи уверена в том, что она может повлиять своей красотой, пользуется этим для достижения собственной цели. Левко ей отвечает: *«- Я готов на всё для тебя, моя панночка! – сказал он в сердечном волнении, - но как мне, где её найти?»* (Гиппиус 1940: 176).

По итогу Левко помогает русалке, а в ответ она его благодарит: *««Чем наградить тебя, парубок? Я знаю, тебе не золото нужно: ты любишь Ганну; но суровый отец мешая тебе жениться на ней. Он теперь не помешает; возьми, отдай ему эту записку...» Белая ручка протянулась, лицо ее как-то чудно засветилось и засияло... С непостижимым трепетом и томительным биением сердца схватил он записку и... проснулся.»* (Гиппиус 1940: 177).

Таким образом, Н. В. Гоголь при создании образа русалки в своей повести следует народным представлениям об этом существе. Его русалка, подобно традиционной, обитает в водоемах, привлекает внимание мужчин, устраивает хороводы и характеризуется бледным внешним видом. Отсутствие хвоста также не противоречит народным представлениям, поскольку в славянской мифологии русалки часто изображаются в человекоподобной форме. Вопреки обычным повестям о русалках, где они несут смерть живым, русалка Гоголя помогает главному герою. Однако это также соответствует народным представлениям, так как существуют легенды, где русалки проявляют благодарность людям.

В повести «Страшная месть одним из главных героев является колдун. Согласно украинской мифологии, колдун — это *«... реальна людина з надприродними здібностями, які має від народження або які отримала, підписавши угоду з нечистою силою.»* (Таланчук 2007: 217). Впервые он появляется на свадьбе, на которую приехала его дочь Катерина, и когда были вынесены иконы. *«Когда же есаул поднял иконы,*

вдруг все лицо его переменилось: нос вырос и наклонился на сторону, вместо карих, запрыгали зеленые очи, губы засинели, подбородок задрожал и заострился, как копье, изо рта выбежал клык, из-за головы поднялся горб, и стал козак — старик.» (Гиппиус 1940: 245). Колдун способен принимать другие облики: *«Чарівник і сам може обертатися різними тваринами чи комахами.»* (Таланчук 2007: 218).

Следующим моментом, будучи характерным для данного персонажа, является его мучительная смерть: *«Страшна казнь, тобою выдуманная, человеце!»* *сказал бог. „Пусть будет всё так, как ты сказал, но и ты сиди вечно там на коне своем, и не будет тебе царствия небесного, покаместь ты будешь сидеть там на коне своем!“* *И то всё так сбылось, как было сказано: и доньне стоит на Карпате на коне дивный рыцарь, и видит, как в бездонном провале грызут мертвецы мертвеца, и чует, как лежащий под землю мертвец растет, гложет в страшных муках свои кости и страшно трясет всю землю...»* (Гиппиус 1940: 282). В украинской мифологии считается, что за свои грехи и преступления колдуны расплачиваются в последние часы жизни и после смерти. Они терпят страшные муки, пока не умрут (для облегчения их кончины срывают доску с потолка и несут умирающего к порогу). Смерть и похороны колдуна сопровождаются вихрем, засухой и непогодой. По дороге к кладбищу гроб трескается и разваливается, черти хватают тело и уносят его. *«Вони збиткуються над трупом: м'ясо з'їдають, самі влазять у його шкіру й так ходять до родичів.»* (Таланчук 2007: 219).

Заключение

В представленной работе был проанализирован цикл повестей Николая Васильевича Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» с целью выделить элементы славянского, особенно украинского фольклора. Основное внимание было поэтому уделено народной культуре украинской сельской среды, в которой разворачиваются события восьми повестей.

В первой части работы «Обзор жизни и литературного творчества Николая Васильевича Гоголя» было рассмотрено происхождение и личность писателя, его место в истории русской и украинской литератур. Особенное внимание было уделено его связи с Украиной и интересом к украинскому быту и фольклору, что стало фундаментом при создании прославившего его произведения.

Во второй части ««Вечера на хуторе близ Диканьки»: характеристика произведения и его значение в контексте времени» была рассмотрена история возникновения повестей, проанализировано влияние украинской культуры и фольклора на формирование творческого наследия Гоголя, его увлечение народными обычаями и традициями уже с детства. Были приведены источники вдохновения и тематика повестей, а также первые шаги писателя в литературной деятельности, включая обращение за советом к литературному критику П. А. Плетнёву. Была рассмотрена также активная роль семьи Гоголя в его творческом процессе, в том числе сбор и передача материалов для написания. Не менее важной составляющей данной главы стало восприятие современной критикой и обществом, которое не было единогласным. В завершении была приведена характеристика произведения, включая особенности его структурного построения, принадлежности к романтизму, языковые особенности, тему и идею цикла.

В третьей части «Фольклорные мотивы в произведении: описание, функции, анализ их отношения с настоящим фольклором» были даны определения терминам фольклор и его жанров, представленные в анализируемом цикле повестей, в отдельном теоретическом подразделе. В практической части работы проведен оценочный анализ использованных фольклорных элементов, в частности обычаи и обряды, заговоры, песни, персонажи, и сделано сравнительное исследование их связи с традиционной украинской народной культурой.

В данном случае анализ подтвердил существенную роль украинского фольклора (в изначальном и литературно обработанном виде) в целом цикле гоголевских повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки». Мы также конкретно указали, где и как Гоголь использовал фольклорные мотивы, что позволило нам глубже понять его методы и цели. Фольклорные элементы не только обогащают текст, но и выполняют важные функции: они создают атмосферу, определяют поведение персонажей, формируют сюжетные линии и усиливают национальный колорит произведений. Таким образом, исследование показало, что интеграция фольклора является ключевым компонентом литературного стиля Гоголя и важным фактором его художественного успеха.

Список использованных источников

1. АВІЛІН, Ц., Паміж небам і зямлёй: этнаастраномія. Мінск: Тэхналогія 2015.
2. АГАПКИНА, Т. А., Демоны как персонажи календарной мифологии. // Славянский и балканский фольклор Народная демонология. Под ред. Л. Н. Виноградовой. - М., Издательство «Индрик», 2000, с. 212–242.
3. ВИНОГРАДОВ, И. А., *ГОГОЛЬ – ХУДОЖНИК И МЫСЛИТЕЛЬ: Христианские основы мирозерцания.* – М.: Наследие, 2000.
4. ВИНОГРАДОВА, Л. Н., Народные представления о происхождении нечистой силы: демонологизация умерших. // Славянский и балканский фольклор Народная демонология. Под ред. Л. Н. Виноградовой. - М., Издательство «Индрик», 2000, с. 25–51.
5. ВОДОВОЗОВ Н. В., *Николай Васильевич Гоголь.* - М.: Молодая гвардия, 1945.
6. ВОЙНОВИЧ, В., *Міфи та легенди давньої України.* – Тернопіль: Богдан, 2009.
7. ГИППИУС, В., *Н. В. Гоголь* [Текст]: вступ. ст. / В. Гиппиус // *Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т.* - М.: Изд-во АН СССР. – Т. 1. Ганц Кюхельгартен; Вечера на хуторе близ Диканьки, 1940.
8. ГИППИУС, В. В., *Н. В. Гоголь. Материалы и исследования.* Москва: издательство Академии наук СССР, 1936.
9. *ГОГОЛЬ, Н.В. Полное собрание сочинений: в 14 т.* Под ред. В.В. Гиппиуса [и др.]. - М.: Изд-во АН СССР. – Т. 1. Ганц Кюхельгартен; Вечера на хуторе близ Диканьки, 1940.
10. ГОЛЬДЕНБЕРГ, А.Х. // *Н. В. Гоголь: Материалы и исследования.* Вып. 2: под ред. Е.Е. Дмитриевой, Ю. В. Манна, Е.Г. Падерина. М.: ИМЛИ РАН, 2009, с. 265–280.
11. ЕДЛИЧКА, А., *Собрание малороссийских народных песен.* – М.: Изд. Юргенсона, 1861.
12. МАНН, Ю.В., *Поэтика Гоголя.* 2-е изд., доп.— М.: Худож. лит., 1988.
13. *Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка.* Под ред. Чудинова А. Н. – Санкт-Петербург: Издание книгопродавца В. И. Губинского, 1894.
14. *Словарь литературоведческих терминов.* Под ред. Л. И. Тимофеева и С. В. Тураева. – М.: Просвещение, 1974.
15. СОФРОНОВА, Л. А., *Мифопоэтика раннего Гоголя,* Алетейя, 2010.
16. *Сто найвідоміших образів української міфології: [довідник] / [2-ге вид., випр. й доп.] / [ред. О. Таланчук].* Київ: Автограф; Книжковий дім «Орфей», 2007.
17. JEHLIČKA, M. et al.: *Ruská literatura 19. století (od konce 18. století do začátku 20. století).* Praha 1993.
18. HONZÍK, J. – PAROLEK, R.: *Ruská klasická literatura (1789–1917).* Praha 1977.
19. LUFFER, J., *Katalog českých démonologických pověstí.* Praha: Academia, 2014.
20. OTČENÁŠEK, Jaroslav, OTČENÁŠEK, J. a BAEVA, V. *Slovník termínů slovesného folkloru. Bulharsko / Rečník na terminite ot slovesnija folklor. Balgarija,* Praha: Etnologický ústav Akademie věd České republiky, 2013.
21. UTHER, H.-J., *The Types of International Folktales I, II, III.* Helsinki: Academia Scientiarum Fennica, 2004.

Интернет-источники:

1. КУЛИШ, П.А. *Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем.* [online] URL: http://dugward.ru/library/gogol/kulish_zapiski_o_jizni_gogol.html